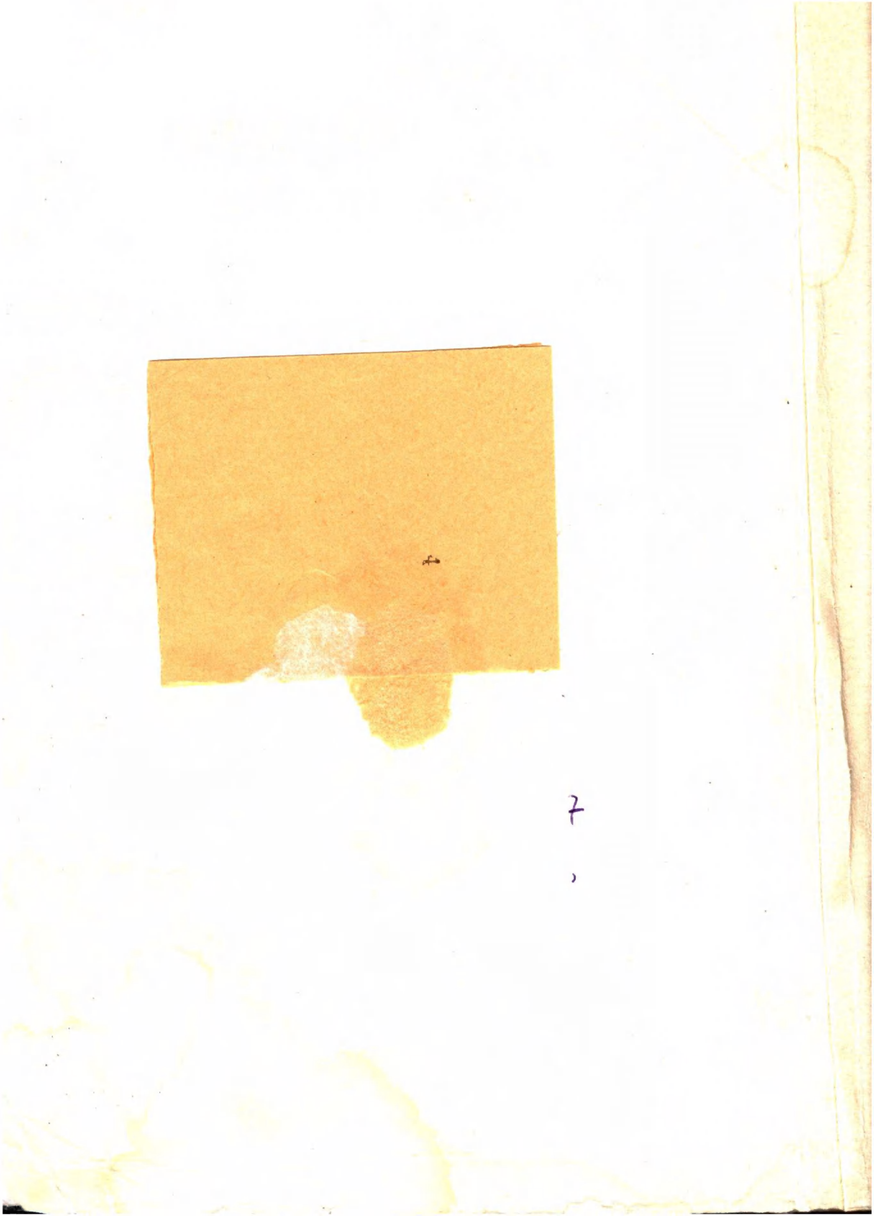
Л. Г. Шипуля

ЧЕТЫРЕ ТАРАНА В НЕБЕ

7

Л. Г. Шипуля

ЧЕТЫРЕ ТАРАНА В НЕБЕ

Л. Г. Шипуля

ЧЕТЫРЕ ТАРАНА В НЕБЕ

Биографическая повесть

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА В. А. ЖИЖЕНКО

МИНСК
«ЮНАЦТВА»
1982

Бел 2
Ш 63

Рецензент
кандидат исторических наук
Ю. В. Плотников

Литературная обработка
В. А. Жиженко

Для среднего и старшего школьного возраста

Шипуля Л. Г.
Ш 63 Четыре тарана в небе: Биогр. повесть. [Для сред. и ст. школ. возраста /Лит. обраб. В. А. Жиженко].— Мн.: Юнацтва, 1982.— 128 с., ил, 4 л. ил.

20 к.

Биографическая повесть рассказывает о Герое Советского Союза Борисе Ивановиче Ковзане — единственном в мире летчике-истребителе, который в годы Великой Отечественной войны таранил четыре вражеских самолета.

Ш $\frac{4803010200-056}{М 307(05)-82}$ 10—82

ББК 84 Бел 7
Бел 2

На новгородской земле, там, где старое шоссе Москва — Ленинград проходит мимо небольшого городка Крестцы, возведен памятный обелиск, увенчанный стремительным силуэтом самолета-истребителя. На обелиске имена трех Героев Советского Союза:

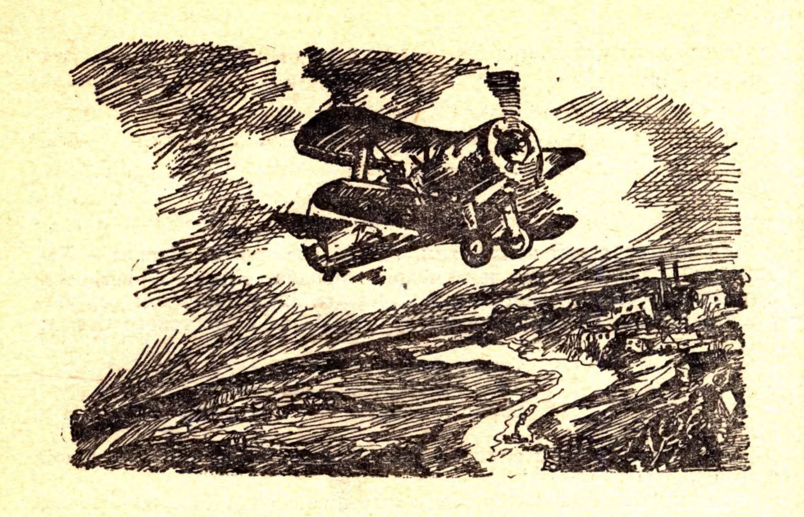
Тимур Фрунзе
Алексей Маресьев
Борис Ковзан.

Эти имена как бы олицетворяют боевую славу 6-й воздушной армии.

О сыне прославленного советского полководца Тимуре Фрунзе, погибшем в неравном воздушном бою 19 февраля 1942 года, написано и сказано немало.

Подвигу Алексея Маресьева посвятил свою «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевой.

О Борисе Ковзане — эта повесть.

«УКЛОНИЛСЯ ОТ БОЯ...»

Шел второй день войны. У Бориса был первый боевой вылет. По зеленой ракете истребитель после короткого разбега взмыл в небо и взял курс на Гомель. Задание — прикрывать город от налетов вражеской авиации. Под крылом проплывали леса, болота, показалась знакомая голубая лента Сожа. Пролетев над городом, Борис вошел в зону патрулирования.

Сердце билось возбужденно и тревожно. Наконец-то кончились томительные часы ожидания, вынужденного бездействия. Казалось, с того момента, как стало известно, что на Киев, Севастополь, Житомир, Каунас, Брест обрушились первые фашистские бомбы, прошло много долгих, гнетущих суток. В отлаженном механизме военного аэродрома словно что-то заело. В обычные дни и то было оживленнее: тренировки, полеты, учебные стрельбы. А тут сиди в кабине или лежи после дежурства под плоскостью

самолета, строя самые невероятные догадки. В душе многие надеялись, что гитлеровские части уже остановлены на государственной границе или на одном из тех оборонительных рубежей, которые сооружались в глубине нашей территории, и война задохнулась, едва успев начаться. Что ж, тогда надо гнать их подальше от наших границ, а значит, за первым вылетом будет второй, третий — и пойдет привычная боевая работа.

Привычная? Как бы не так! Именно это тревожило больше всего. Как ни вглядывался Борис в просторное небо, в широкий с высоты горизонт — чужих самолетов не видел. Но он знал: враг может появиться внезапно. Не условный противник, как в учебном бою, а именно враг — жестокий и беспощадный.

Секунды схватки — и один станет победителем, другой — побежденным.

Борис знал все это. Но, оказывается, мало знать — надо принять сердцем простые истины, ожесточить душу, проникнуться ненавистью к врагу...

Время патрулирования подходило к концу. Борис заложил вираж и, снизившись, повел машину на свой аэродром. Теперь он отчетливо видел людей на дорогах, дома и постройки...

Вспомнилось, как совсем недавно с другом Колей Поляковым был у родных в Бобруйске. В мирном Бобруйске с извозчичьими пролетками, с табунками кур на улицах...

Не забывайся, Борис, гляди в оба! Вовремя он одернул себя: навстречу, стремительно увеличиваясь в размерах, летел самолет. Силуэт вроде незнакомый. На миг пришло сомнение: может быть, наша машина новой конструкции? Нет, враг, «Хейнкель-111»!

Дал полный газ. Фашистский бомбардировщик тоже шел на сближение. Сейчас хлестнет градом пуль! Палец лег на гашетку: Борис готов ответить ударом на удар. Но почему фашист не открывает огня? Мгновение — и само-

леты с ревом и свистом пронеслись на встречных курсах, едва не задев крыльями друг друга. Борис был в растерянности и недоумении. Пока сделал боевой разворот для повторной атаки, «хейнкель» был уже далеко, на И-15 бис его не догонишь. Еще немного — и он скрылся в синей дымке.

На аэродроме Бориса окружили летчики, командиры. Они видели все, что произошло в воздухе, и были озадачены.

— Почему не стрелял?!

— Может, отказало вооружение? Или другая какая неисправность?

— Самолет противника видел? — строго спросил Бориса Ковзана подполковник Немцевич.

— Видел...

— И огня не открывал?

— Не открывал...

— Почему?

— Так ведь...— Борис запнулся.— Ведь он по моей машине не стрелял. Я ждал, чтобы он первый...

— А он тебя испугался, надо полагать.— В голосе командира полка была ирония, взгляд же выражал лишь недоумение. Кажется, этот худенький летчик с голубыми, совсем мальчишескими глазами и сейчас не понимал своего промаха. Не понимал, что обязан жизнью какой-то счастливой случайности: то ли «хейнкель» еще раньше расстрелял весь боекомплект, то ли фашист в самом деле струсил, растерялся. Ведь он бы срезал этого птенца с первой же очереди!

Ковзан хотел было что-то сказать, но подполковник жестом остановил его: какие тут могут быть оправдания. Медленно, словно в раздумье, он заговорил:

— Беда в том, что мы еще мирно, благодушно настроены. А это очень опасно, это может нас погубить. Разве можно так деликатничать с врагом, который вероломно нарушил нашу границу, бомбит наши города и села? Ко-

нечно, Ковзан заслуживает сурового наказания за то, что уклонился от боя, за малодушие. Но учитывая, что это был его первый боевой вылет, первая встреча с врагом, ограничиваюсь строгим предупреждением...

Командир полка говорил так, будто знал, что война началась не на жизнь, а на смерть, что она будет затяжной, кровопролитной...

Когда подполковник ушел на командный пункт, Николай Поляков решил подбодрить Бориса, но только подлил масла в огонь:

— Надо же... Ведь совсем рядом прошел. Палкой можно было сбить.

Борис не смотрел другу в глаза. Он снова и снова вспоминал все, что произошло в воздухе. Вот момент, когда он должен был нажать гашетку. Сейчас очевидно: фашист был бы сбит. Вот лицо пилота. За стеклами очков не различить, что на нем: вызов? Страх? А вот та критическая ситуация, когда его, Бориса, самолет был идеальной мишенью для фашистского летчика. Почему же, черт побери, он не стрелял?! А сам Борис? Смалодушничал? Растерялся? Нет, страха не было — это он помнил точно. Что же тогда?

Пришел на ум недавний случай. День был свободный, они с Николаем ушли далеко от аэродрома. Из-за купы деревьев взмыла стая голубей в сопровождении крикливых галок. Сделав круг над лугом, голуби оторвались от галочьего эскорта и стали набирать высоту.

— Домашние или лесные? — поинтересовался Николай, любуясь изяществом их полета. Коренной москвич, он не очень-то разбирался в живой природе.

— Домашние,— ответил Борис.— Лесные стаями не держатся.

Внезапно вдогонку удалявшимся голубям стремительно пронеслась одинокая серая птица.

— Сокол! — крикнул Борис.— Смотри, Микола, что будет.

Голубиная стая пришла в замешательство, распалась, будто развеянная невесть откуда налетевшим вихрем. Сокол, не меняя направления полета, на лету ударил зазевавшуюся голубку (Борис был почему-то уверен, что именно голубку), и вот он уже возвращается с добычей в когтях.

Глаза Николая горели восхищением:

— Вот это удар! Это по-нашему, по-истребительски!

Борис же испытывал совсем иные чувства: ему было жаль голубку.

— Хищник...— только и обронил он.

Нет, прав командир полка: надо кончать с благодушием, надо заставить сердце ненавидеть! Ох, как он подвел сегодня товарищей, командиров!..

Не кори себя, Борис. Откуда ей взяться, ненависти, если ты еще и убитого-то ни разу не видел, не видел, как рушатся под бомбами здания, как падает объятый пламенем краснозвездный самолет? Да и благодушие, пожалуй, не то слово. Просто тебя, как и миллионы твоих сверстников, растили для счастья и труда, а не для смерти и убийства...

ПУТЕВКА В НЕБО

Родился Борис Ковзан в Шахтах Ростовской области. В памяти от этого города только и осталось: копры кругом и шахты, шахты...

Отец его, Иван Григорьевич, был родом из Белоруссии, мать — донская казачка.

Борису было около шести лет, когда родители перебрались в Белоруссию, в поселок Логойск. Приехали осенью. Из Минска добирались на подводе. Было холодно и сыро. Борис, закутанный в отцовский полушубок, задремал. Сквозь дрему слышал скрип телеги, стук копыт и приглушенный басок отца. Не помнил, как очутился в светлой теплой комнате, и на него уставились три пары любопытных девчоночьих глаз: двоюродные сестры.

Дядя Бориса, Андрей, работал начальником почты; там же нашлось место и отцу. Здание почты, где они поселились, стояло на высоком берегу речки, дальше по берегу — старинный костел. Его островерхие башни высоко взметнулись над деревьями. По воскресеньям, а иногда и в будни вечерами оттуда доносилось стройное и строгое пение. В костеле Борис никогда не был, а это пение и колокольный звон остались в нем тягостным воспоминанием; колокола часто возвещали о чьей-то смерти...

В Логойске Борис пошел в школу, обзавелся друзьями. Вместе ловили рыбу в чистой, криничной Гайне. На неглубоких песчаных перекатах можно было видеть, как выворачивались медными боками великаны лещи; на удочку попадалась стремительная форель, по-местному — стронга.

В холмистой, лесной логойской стороне и сейчас много ягод, грибов, а что уж говорить про ту далекую пору. Один из дружков Бориса, Женька Яцкевич, этакий хозяйственный мужичок, снабжал свою большую семью летом земляникой, черникой, а под осень — грибами. Борис пристрастился ходить с ним в лес и никогда не возвращался домой с пустым лукошком. Ему приятно было слышать, как мать хвалила его. Зарабатывал отец скромно, и то, что приносил из лесу Борис, в доме не было лишним.

В жаркую пору ребята катались на лодках, загорали. Однажды Борис предложил:

— Давайте на спор: кто больше пролежит на солнце?

Затея эта кончилась для него печально: сильно обгорел, с Женькиной помощью едва добрался домой, пришлось вызывать врача. Но испытание выдержал — всех перележал.

Борису хотелось быть таким же сильным, закаленным, как пограничники, которых он встречал на улицах Логойска. Да что встречал — подолгу наблюдал, как они лихо рубили лозу, как в одних гимнастерках носились на лыжах по снежной целине: впереди на лошади верховой, а за ним на длинных вожжах-фалах двое или трое лыжников. Нравилась Борису и военная форма, особенно — чего

греха таить! — командирская. Даже маленький тщедушный начальник заставы казался ему сказочным богатырем, когда восседал с шашкой на боку на большом белом коне. Конечно же, Борис мечтал стать пограничником...

Но судьба распорядилась иначе.

В 1935 году семья Ковзанов переехала в Бобруйск. Здесь и произошло подряд несколько событий, определивших судьбу Бориса.

Это было время повального увлечения авиацией. С уст не сходили имена прославленных летчиков, принимавших участие в спасении челюскинцев. Потом заговорили о Чкалове, Коккинаки... Девушки и юноши жили мечтой о небе. У мальчишек эта страсть проявлялась по-своему: они мастерили из старых простыней, вообще из чего придется, парашюты и прыгали с чердаков, с лестниц. Часто эти прыжки заканчивались плачевно.

Но были у ребят дела и посерьезнее.

В большом четырехквартирном доме (тогда он казался большим), где поселились Ковзаны, жил Иван Киселевский. Был он лет на шесть-семь старше Бориса, тогда пятиклассника. Летом играл в футбол, зимой, «обув железом острым ноги» и вооружившись клюшкой, гонял на катке теннисный мячик — специальных мячей для хоккея не было. Сколько помнил Борис, ходил он всегда в синей полувоенной гимнастерке, увешанной значками — «Ворошиловский стрелок», «ГТО» и еще много других, а среди них — маленький парашютик. Борис знал, что Иван обучает ребят авиамоделированию.

— Как ты думаешь, Вань, я смогу сделать модель? — спросил он однажды.

— Конечно, сможешь, была бы охота. Приходи завтра на детскую техническую станцию.

Новое дело захватило Бориса. Все свободное время пропадал он на станции — выпиливал, клеил, раскрашивал. До сих пор ему памятен и мил запах жженого бамбука и разогретого столярного клея. А на первомайской демон-

страции юные авиамоделисты шли с высоко поднятыми моделями во главе праздничной колонны.

Потом были соревнования: сперва общегородские, затем республиканские — в Минске. В столицу прибыли команды из разных городов Белоруссии, для каждой на поле установили палатку. В день соревнований ребята поднялись чуть свет: в последний раз опробовали модели, регулировали центр тяжести. И вот — сигнал. Команды выстроились. По жребию авиамоделисты из Бобруйска выступали третьими. Первым запустил свою фюзеляжную модель любимец Ивана Киселевского Васильев. Она летит ровно и красиво. Следующим на старт выходит Борис. Он волнуется, движения его торопливы, резки. Старт дан! Борис отпускает руку, модель вздымается ввысь и скользит по ровной голубизне неба. Борис взглядом провожает ее до самого приземления.

Фюзеляжная модель Васильева пролетела 320 метров и заняла первое место; Ковзану досталось второе место среди схематических моделей. Конечно, это был успех, но главное ждало впереди: победители соревнований награждались полетом на самолете Бобруйского аэроклуба имени Слепнева.

...Пять часов утра. Едва открыв глаза, Борис смотрит в окно: нет ли дождя? Опасения напрасны: погода солнечная, безветренная. А дальше все было как в сказке. Бориса провели к самолету, посадили в заднюю кабину, привязали ремнями. Инструктор Дора Слесарева села впереди. Моторист подошел к винту, слышен его громкий голос:

— Контакт!

Дора коротко отвечает:

— Есть контакт. От винта!

Заработал мотор, постепенно увеличивая обороты до полной мощности. Мотор опробован. Дора выруливает на старт. Стартер поднимает белый флажок, и самолет, как большая птица, бежит по аэродрому, покачиваясь с крыла на крыло. В какой-то неуловимый момент он повисает в

воздухе. Впечатление такое, будто движется земля, а самолет стоит на месте.

Впервые Борис видел свой город с высоты птичьего полета. Вспомнил вычитанное где-то сравнение: дома маленькие, как спичечные коробки, а люди — словно муравьи, и согласился: так и есть. Ощущение и похоже и непохоже на то, которое испытывал в детстве, когда, как и многие мальчишки, летал во сне, поднимаясь вровень с башнями логойского костела. Нет, это все-таки сильнее, да и не во сне, а наяву.

С этого дня Борис буквально «заболел» авиацией. Все книги об авиации, что были в школьной библиотеке, прочел от корки до корки, хотя и не все в них понимал, и твердо решил для себя, что пойдет учиться в Бобруйский аэроклуб.

Отец одобрил намерение сына, а с матерью Борис решил до времени на эту тему не говорить. Она не одобряла его увлечения моделированием, и нередко тонкие отполированные рейки для моделей почему-то оказывались в печке.

С седьмого класса Борис начал регулярно посещать занятия аэроклуба. Давалось это ему нелегко. В самом начале учебного года тяжело заболела мать, ее положили в больницу. Отец почти весь день был занят на почте. Борис вставал рано, готовил завтрак на всех, отправлял в школу брата Тольку, кормил поросенка, кур, бежал к матери в больницу и лишь после этого, запыхавшись, а иной раз и с опозданием, прибегал в школу. А после школы — аэроклуб: не пойти туда он просто не мог.

В зрелом возрасте мы любим оглянуться на наше детство, которое всегда вспоминается таким светлым и беззаботным... Дело тут в избирательности памяти. Даже тот, чьи детские годы пришлись на трудную военную пору, бессознательно старается потеснить в памяти все тяжелое, горькое, чтобы дать место радостному, праздничному.

В жизни Бориса были три недели настоящего, ничем не омраченного праздника.

Мать выздоровела, а отца временно направили начальником почты в местечко Паричи — это немного ниже Бобруйска по Березине. Летом Борис поехал к нему.

Здание почты, как и в Логойске, стояло на высоком берегу реки. После тихой, скромной Гайны Березина поразила Бориса своим вольным простором, темной, настораживающей глубиной. С соседским пареньком Колей Алексеевым, который чем-то напоминал Женьку Яцкевича, оснастили парусом принадлежавшую почте лодку-плоскодонку. Когда свежий ветер наполнял парус и мчал легкую лодку наперерез волне, Бориса охватывал восторг — в этом было ощущение полета.

Вскоре он уже знал всех мальчишек и девочек своего возраста, которые бывали на реке. Особенно приглянулась ему одна русоволосая девчонка. У нее была привычка движением головы отбрасывать сползающие на лоб завитки волос — по этому жесту Борис узнавал ее издали. Она отлично управляла лодкой, и это тоже нравилось Борису. Как-то Коля Алексеев заметил:

— А ты уже не первый день приглядываешься к Златке.

Приглядываешься... Да Борис уже разными путями многое выведал про незнакомку (даже знал, что в школе у нее кличка «Злата»). Поэтому он деланно-безразличным тоном спросил:

— Приглядываюсь? К кому?

— Вижу, не скрывай. Что, влюбился?

— Еще чего выдумай! Я на лодку смотрю, здорово гребет. А весла-то длинные, шлюпочные.

Между тем Коля был, пожалуй, недалек от истины. Иначе с чего бы Борису вспомнить вдруг про свою худобу и маленький рост, про то, что брюки его давно не знали утюга? Скорее всего, причиной этому был Колин намек,

что возле Златы (так Борис раз и навсегда назвал ее для себя) «один тут вертится».

— И все-таки давай познакомлю,— предложил Коля.— Официально, так сказать. Девчонки во-он купаются.

— Пошли! — решительно махнул рукой Борис.

Они сбежали с крутого обрыва, на ходу сбрасывая одежду, как это умеют делать только мальчишки. Борис нырнул первым. В воде открыл глаза: все было изумрудно-зеленым. Рванулся всем телом, выскочил на поверхность и, переведя дух, поплыл к противоположному берегу, где были купальни. Он слыхал, как его нагоняет длиннорукий Колька. И вот уже оба идут вровень, вместе подплывают к берегу.

Злата с сестрой Женей и подругой Галей словно поджидали их.

— Коля, мальчики! Научите нас нырять,— попросила Женя, стройная девчонка с темной челкой, из-под которой озорно поблескивали большие карие глаза.

— Попробуем,— ответил Коля,— хотя я и сомневаюсь в успехе. Но сперва познакомьтесь: Борис, опытный мореход и будущий летчик...

Дома в тот вечер Борис не знал, чем заняться. Прибрал в холостяцкой квартире отца (мать и брат Анатолий жили по-прежнему в Бобруйске), поиграл с собакой. Что-то его беспокоило, томило.

На следующее утро, когда отец ушел на работу, он отутюжил брюки, до блеска надраил ботинки, надел белую рубашку и пошел к реке. Успел как раз вовремя: вот-вот собиралась отчалить лодка, в которой были Женя, Галя и Злата. Девочки призывно замахали ему руками. Долго не раздумывая, Борис вскочил на нос лодки, и Злата стала выгребать на середину реки.

Из-за поворота показался пассажирский пароход: шел ежедневным рейсом из Бобруйска. Обычно в это время на пристань приходило много встречающих, но еще больше

было охотников покачаться на волнах от тяжелого парохода.

Злата развернула шлюпку на волну, Галя и Женя приготовились прыгать.

— Р-раз! — скомандовала Галя.

Девочки бросились в зеленоватую, с белой оторочкой волну и саженками поплыли наперерез ей. В лодке остались Злата и Борис. Злата вдруг спросила:

— Борис, а ты смелый?

— Не знаю, что и ответить... Я, например, занимаюсь в аэроклубе.

— Значит, смелый. А я трусиха, боюсь высоты.

— Чего ее бояться?

— Не знаю, страшно. Папа говорит, это потому, что я девчонка.

— Шутит твой папа.

— И все равно летчицей я бы стать не смогла.

Борису понравилось, что Злата затронула его любимую тему, а еще больше — что сказала правду. Она смотрела на Бориса щуря глаза — не то по привычке, не то от ярких солнечных бликов на воде...

Ах это лето! Чудесная пора, когда не тревожат неприготовленные уроки, когда не надо торопиться в школу. Эх, был бы еще здесь, в Паричах, аэроклуб!..

— Теперь многие ребята хотят стать летчиками,— продолжала Злата,— и даже некоторые девочки. Наша Женя начиталась про авиацию — и туда же.

— Женя? А ты?

— Я хочу стать учительницей. У нас в четвертом классе была такая учительница!.. Такая!..

Борис кивнул головой:

— Понимаю, Злата.— С самого начала он называл ее так, и она легко и сразу приняла это обращение.

Между тем Борису пора было возвращаться в Бобруйск. Накануне отъезда он долго бродил по улицам, пока не встретил Злату. Тот вечер был, наверно, самым корот-

ким и самым важным для него за все время, проведенное в Паричах. В окнах уже давно зажгли свет, а расставаться не хотелось. Они не давали друг другу клятв, ни разу между ними не было произнесено слово «любовь». А может, оно и к лучшему, потому что уже витало в воздухе другое слово — «война». На прощанье Борис с неожиданной для него самого робостью сказал:

— Я буду писать тебе... Можно?

— Конечно, можно. И от меня жди писем. Удачи тебе, Борис...

На первых порах их переписка сводилась к вещам самым будничным: обменивались известиями о том, как идут дела в школе, дома, впечатлениями от прочитанных книг, новых кинофильмов. Главное — их взаимные чувства, проходившие проверку временем,— читалось между строк. Но где-то через полгода Борис написал сразу о двух немаловажных событиях в его жизни.

Весной в аэроклубе начинается практика. С группой курсантов Борис едет на аэродром в кузове грузовика. Все возбуждены, а он особенно: у него сегодня день рождения и первый прыжок с парашютом. Бывают же совпадения!

На аэродроме подогнали по росту подвесную систему парашютов. Курсанты выстроились в порядке очередности прыжков. И вот уже первый У-2 ушел в небо. И курсанты, и инструкторы переживают, пожалуй, не меньше того, кому предстоит прыгать. У-2 делает круг над аэродромом, выходит в расчетную точку. Стихает гул мотора, от машины отделяется фигурка парашютиста. Секунда, другая — и в небе вспыхивает купол парашюта.

Наконец очередь Бориса. Машина отрывается от земли, быстро набирает высоту. Первый сигнал: летчик убрал газ. Не помня себя от волнения и — чего уж таить! — страха, Борис вылезает на крыло. От скорости и напористого ветра рябит в глазах, кажется, вот-вот сорвешься и улетишь как пушинка.

— Пошел!

Борис ныряет головой в голубую бездну. Сразу захватило дух, внутри все оборвалось... Но вот толчок — парашют раскрылся. И вдруг стало так тихо, будто прекратилось падение и он, Борис, повис в воздухе. Но земля уже летит навстречу. Вот она совсем близко. Ему кричат:

— Ноги вместе!

Сейчас... Чтобы смягчить удар, он падает на правый бок, но тут же вскакивает — надо погасить купол парашюта.

Как рассказать, что испытал он в те короткие секунды? Как передать почти физическое ощущение окрыленности, когда в глазах все переливается, цветет радугой: и окрестные леса, и луга, и синяя дымка над Березиной, и само небо? И главное — ни малейшего страха. Он ушел, испарился в тот самый миг, когда над головой щелкнул купол раскрывшегося парашюта.

Прямо на аэродроме Борису вручили значок парашютиста.

Домой не шел, а летел. Хотелось, чтобы все знали, какая у него сегодня радость.

Прыжки были рано утром, и Борис поспел к завтраку. Когда вошел в просторную кухню, мать накрывала на стол. Посреди стола — большой именинный пирог.

Толька сразу заметил у брата новый значок.

— Что это у тебя?

Борис бессознательно прикрыл ладонью значок от испытующего взгляда матери.

— Много будешь знать — скоро состаришься. Давай-ка лучше на пирог налетай.

Мать до сих пор надеялась, что занятия сына в авиамодельном кружке, а потом в аэроклубе — все это временно, все пройдет. А теперь, когда увидела у сына значок (она уже видела такие у Ивана Киселевского и других парней), сердце ее сжалось: значит, Борис увлекся серьезно. А ведь он такой: если поставит себе цель — то не свернет, никакие уговоры не помогут. Значит, станет летчиком,

а ей — жить в вечном страхе за него. Не было радости в глазах у матери...

А Бориса на этой же неделе ждало еще одно радостное событие: его приняли в комсомол. Придя из райкома, сразу засел за письмо Злате. Хотелось написать как-то по-новому, по-взрослому. Прежде почему-то он чувствовал себя младше ее; Злата была серьезнее, что ли, с большей требовательностью относилась к себе и к людям. Но теперь-то они сравнялись. И Борис сдержанно, даже, может, суховато написал про первый прыжок, про то, что стал комсомольцем, что собирается поступать в летное училище.

...И снова учеба в школе, домашние заботы и — как отдых, как радостная дань заветной мечте — занятия в аэроклубе. Вставал рано, в два часа утра уезжал на аэродром. Предстояло завершить летную практику. Сперва прошли наземную подготовку. Учились элементарным, казалось бы, вещам: как подходить к самолету, как осматривать его, как поднимать хвост машины при взлете. На «журавле» отрабатывали развороты. Затем — полеты с инструктором. И вот наконец он один в кабине. Инструктор улыбнулся: «Счастливого пути!» Борис сдвинул на глаза очки, осмотрелся, вырулил на старт, поднял руку.

Взмах белого флажка — как путевка в небо.

Мотор взревел, машина побежала по взлетной дорожке. Скорость нарастает с каждой секундой. Мгновение — и самолет отрывается от земли, ввинчивается пропеллером в воздух. Борис, как и положено, выдерживает машину над землей, набирает нужную скорость, высоту, делает первый разворот, второй, третий... Высота триста метров. Со снижением пошел на последний разворот. На высоте семь метров вывел машину из планирования, выдержал ее над полем аэродрома, добрал ручку на себя. Шасси плавно касаются земли. Упруго вздрагивая, самолет бежит по зеленому полю и вскоре замирает на месте. Борис поднимает руку, счастливо улыбается...

ЕЩЕ ОДИН ЭКЗАМЕН

Весной 1939 года в Бобруйский аэроклуб приехала группа командиров — представители Одесского летного военного училища имени Героя Советского Союза Полины Осипенко. Они собрали всех выпускников аэроклуба, долго беседовали с ними, проверили технику пилотирования и, отобрав лучших, направили их в Одессу.

Перед отъездом Борис успел дать Злате телеграмму: «Закончил аэроклуб Снимок после полета высылаю почте Еду поступать летное училище Очень хочу встретиться тобой Обязательно».

Откуда ему было знать тогда, что этой встрече суждено состояться лишь спустя много-много лет...

В Одессу приехали ранним утром, однако на привокзальной площади уже стоял оживленный говор, торговали мороженым. День обещал быть жарким. Строем двинулись в училище. Миновали Привоз — знаменитый одесский базар. Их колонну долго провожали бойкие голоса женщин-рыбачек:

— Кому бычки? Кому скумбрия свежая?

Запахло близким морем, а сердцем все поняли, как далеко они теперь от родного дома. В памяти Бориса оживали заплаканные, с выражением упрека глаза матери, ладонью он ощущал крепкое отцовское рукопожатие, в висках билась тревожная мысль: «А что, если не пройду комиссию?»

Первой за них взялась медицина. Тут Борису пришлось поволноваться: когда разделись для взвешивания, он вдруг как бы со стороны увидел себя таким маленьким, щуплым, что не решался ступить на весы.

— Знаете, молодой человек,— с улыбкой на розовом лице сказал врач,— здоровье у вас отличное, а вот насчет веса... Даже для вашего роста не хватает тринадцати килограммов.

Борис сообразил, что это может оказаться препятствием для поступления, и бойко ответил:

— Обещаю подрасти и набрать нужный вес!

Врач улыбнулся еще шире:

— Посмотрим.

В душе Борис был убежден, что для летчика-истребителя малый рост, как и вес,— не помеха. Но кто знает, что думают на этот счет врачи...

Затем прошли мандатную комиссию, и Борис вздохнул с облегчением: зачислен.

Началось изучение материальной части самолетов, затем штурманского дела, тактики ВВС. Три месяца пролетели незаметно, возможно, потому, что Борис занимался с присущей ему старательностью, с полной самоотдачей. Да и обстановка в мире не располагала к расслабленности и благодушию. Скорее всего, придется воевать, а какой же ты будешь летчик-истребитель без хорошей выучки? Из шестнадцати предметов «четверки» у него были только по радиооборудованию и теории воздушной стрельбы, по остальным — «5», в личном деле — двадцать одна благодарность командования.

Закончились экзамены. Начальник штаба зачитал курсантам приказ по училищу о порядке прохождения летной практики. Борис попал в группу лейтенанта Валуева. Через два дня выезжали в Березовку — лагерь в сорока пяти километрах от Одессы. Каждому курсанту выдали очки, шлем, комбинезон.

Приехали утром. Еще из окна вагона увидели зеленое поле учебного аэродрома. Дощатая столовая стояла здесь, видно, не первый год, а жилье предстояло оборудовать самим. Валуев назначил Ковзана старшим группы, и работа закипела: готовили палаточные гнезда, ставили палатки, набивали матрацы. Курсанты перебрасывались шутками, обменивались дружескими подначками. Кто-то высказал догадку, что здесь могут водиться змеи. Бориса передернуло: он с детства боялся гадюк. Припомнился

давний случай. Пошли они как-то с матерью и Толей в лес по малину. Нашли хорошую полянку. Мать и брат сразу углубились в чащу малинника, а он так и застыл на дорожке: слыхал от деревенских ребят, что ужи и гадюки часто в малиннике на солнце греются. Подошел брат: «Что ж ты не пошел с нами?» И вдруг как-то странно глянул Борису под ноги: «Смотри!» Борис кошкой отпрыгнул в сторону, думал — змея. А брат весело расхохотался...

К ужину палатки были оборудованы, осталось проложить дорожки и посыпать песком. После отбоя все бросились на мягкие матрацы и тут же заснули. А Борису не спалось. Взошла луна, с бахчей потянуло сыростью, легкий ветерок доносил ароматы трав. Хорошо в степи летней ночью! А через день прибудут самолеты, начнутся полеты. Вот это жизнь!

С утра готовили стоянки для самолетов. После обеда курили, лежа на мягкой мураве. Работы по благоустройству лагеря закончены, стоянки готовы. Снова заговорили о змеях. Из ларька, пристроенного к столовой, вышел дядя Семен, немолодой лысеющий мужчина с глазами-щелочками. Он-то и подлил масла в огонь.

— Как же, есть змеи, не без этого. Иду я намедни, вижу, вот здесь, аккурат где первая палатка стоит, лежат две медно-красные и греются на солнышке.

— Медянки! — с видом знатока уточнил курсант Иван Чепурко.

— Во-во,— кивнул дядя Семен.— Да вы их не бойтесь, у меня от этой гадости верное средство есть.

— Какое? — раздалось в один голос.

— Махорка. Она, родимая, только и спасает от них.

До вечера всю махорку у дяди Семена раскупили. Щедро посыпав ею простыни, улеглись спать. На этот раз Борис спал как убитый. Казалось, только смежил глаза — и уже команда:

— Подъем! На зарядку становись!

В палатке остался только дежурный — Чепурко. Он

все еще возился возле своей постели, когда курсанты, умывшись, пришли одеваться. Один из ребят, добродушный здоровяк из Пензы, сунул ногу в сапог и, заикаясь, выдавил:

— М-м-медянка!

Ребят как ветром сдуло. А Чепурко вернулся, схватил брошенный сапог и вытряхнул из него тонкий резиновый шланг.

Смеху хватило на все утро. Чепурко признался:

— Хотел, старшой, тебе эту штуку подстроить, да уж отыгрался на том, кто безобиднее.

Борис подозревал, что и дядя Семен придумал номер с махоркой только для того, чтобы сбыть залежавшийся товар, и все же был доволен, что не оказался на месте «пострадавшего».

Прибыли учебные самолеты. Началась предполетная подготовка, затем — полеты. Борис Ковзан успешно выполнил программу полетов на учебно-тренировочном самолете, на переходном, и наконец — самостоятельный полет на боевом истребителе.

...Сразу чувствуется мощь мотора, тебя немного прижимает к бронеспинке. Но сердце работает ровно, четко:

— Так-так-так держать!

Полеты, полеты, полеты...

Борис упорно совершенствует технику пилотирования, изучает свои и чужие ошибки и намного обгоняет в учебе своих однокурсников. По решению командования училища его переводят в группу курсантов-выпускников.

Осенью 1940 года Борис Иванович Ковзан успешно закончил Одесское военное летное училище. Ему присвоили звание младшего лейтенанта, должность летчика-истребителя и направили в 162-й истребительный полк в город Козельск.

САМЫЙ МИРНЫЙ ДЕНЬ

Дожди, холодные, с ветром, почти каждый день дожди — и в мае, и в июне... Над мокрыми верхушками деревьев, над темными, непросыхающими крышами домов, над лугами и полями плывут серые, словно льдины в половодье, тучи, и кажется, нет им конца. Зеленые армейские палатки, в которых поселились летчики-истребители, раскинулись в большом саду недалеко от аэродрома. От дождя они набухли, потемнели и, будто грузные птицы, застигнутые непогодой, зябко вздрагивали под новыми и новыми зарядами ветра.

Но полеты не прекращались. Молодые летчики, недавние курсанты, в лагере на берегу Днепра, неподалеку от Гомеля, отрабатывали технику пилотирования, совершенствовали летное мастерство. В палатки возвращались усталые, мокрые, хмурые и на чем свет стоит ругали синоптиков.

Сержант Николай Поляков шутливо корил Бориса Ковзана:

— А ты, Борька, все расхваливал свою Беларусь. «Леса — земли краса!» Ничего себе краса! От такой красы скоро сапоги и куртка сопреют...

Ковзан, хоть и был старшим по званию, не обижался на шутки Николая, наоборот, старался поддержать их. И вообще официального тона не любил, просил, чтобы его звали просто Борис. Подвижный, худощавый, иногда суровый с виду, он сумел поставить себя так, что с ним было просто и легко.

Выслушав друга, Борис улыбнулся:

— С жалобами обращайся туда, в небесную канцелярию.

— Им что? У них-то солнышко...

— Верно,— согласился Борис.— Только за облаками и спасение. Летал бы все время и не приземлялся.

— Ты, Борька, не увиливай от ответа! — не унимался Николай.— Где она, твоя краса?

— Потерпи, Микола, потерпи, голубчик... Ты мне лучше про Москву расскажи.

О Москве Николай мог говорить часами. Его родители часто меняли квартиры: жили и в Замоскворечье, и на Арбате, и в самом центре — в Ямском-Тверском переулке. По рассказам друга Борис так хорошо представлял себе столицу, что, казалось, мог бы пройти по ней с завязанными глазами. Часто в воображении рисовалась такая картина: они со Златой бродят по московским улицам, Борис показывает ей исторические места, ведет в Кремль, в Третьяковскую галерею. Та только ахает и удивляется:

— Откуда ты так хорошо знаешь Москву? Наверно, часто бывал здесь?

— Да, приходилось... Дружок у меня москвич, Коля Поляков.

...Непогодь кончилась в одночасье. Легли спать под мерный шум дождя, стекавшего по крыльям палатки, а встали утром — на голубом, чистом небе сияет ослепительное солнце, все вокруг сверкает, словно вымытое. В тот день и леталось легко и радостно: под крылом — серебристый величавый Днепр, голубые озера, старицы и леса, леса... Из-за высоты и скорости трудно было различить, где сосняки и ельники, а где заросли ракит и ольхи. Темными полосами выделялись лишь дубравы по берегам Днепра и Сожа, ярко зеленели яровые, уже наливались желтизной массивы ржи. А стоило сесть, заглушить мотор — и уши полнились звуками лета, свежий хмельной воздух кружил голову. А сердце — снова рвалось в небо...

— Ну как, дружище? — похлопав Николая по широкой крепкой спине, улыбнулся Ковзан после очередного полета.— А ты не верил!

— Виноват, сдаюсь,— поднял Николай руки.— А когда, Борька, в Бобруйск поедем? Ты же обещал, помнишь?

Борис мечтательно улыбнулся.

— Поедем, Микола, поедем. Вот кончим контрольно-вывозные полеты... А точнее — в субботу.

— Вообще-то, тебе можно позавидовать, Борис. Службу несешь, считай, возле родного дома. Отец-мать рядом. А до моих стариков и на истребителе лететь да лететь...— Николай тряхнул темными волосами и протяжно пропел: — Эх, хорошо страдать на печке, ноги в тепленьком местечке...

В ночь на ближайшую субботу младший лейтенант Ковзан и сержант Поляков, получив увольнительные, выехали в Гомель, чтобы оттуда поездом добраться до Бобруйска.

Удивительное дело: иногда дни и целые месяцы нижутся один на другой, сливаются в сплошные будни, счет им идет разве что по листкам календаря. Так прошли для Бориса полтора года в училище. Режим, что ли, тому причиной, каждодневная занятость, когда недосуг оглянуться, когда все мысли об одном: как можно лучше овладеть летным делом. А может врезаться в память один-единственный день, ничем, вроде, не примечательный, весь сотканный из мелочей, но они, мелочи эти, милы сердцу до конца, до последнего твоего вздоха.

Такой была эта суббота. Почему она запомнилась до малейших подробностей? Да, наверное, потому, что уже через две недели у Бориса возникнет потребность заново пережить ее в памяти, а оттуда, из грядущих месяцев и лет, она предстанет как самый мирный день.

Вот так же запомнится Борису весенний день 1945 года, когда они парой атаковали в румынском небе одинокий вражеский «юнкерс». Бой был, пожалуй, самым коротким и легким изо всех, что провел Борис Ковзан за годы войны. В какой-то момент под перекрестным огнем двух истребителей «юнкерс» дернулся вверх, завис на секунду в воздухе и рухнул в море недалеко от берега. Тогда Борис не знал, что это его последний воздушный бой, а когда

узнал — припомнил подробности и самого боя, и весь тот день. Припомнил, чтобы не забывать уже никогда.

А пока они ехали в Бобруйск. Утро выдалось ясное, нежаркое. Из открытого окна вагона доносились живительные запахи трав и хвои.

— Какой воздух, даже курить грешно! — Николай смял папиросу.

Вскоре после Жлобина — небольшая станция Красный Берег. Отсюда, если смотреть по карте, самая близкая сухопутная дорога до Паричей. Сколько раз Бориса подмывало продлить немного заданный маршрут, пролететь низко над Паричами, над знакомым домом, и покачать крыльями. Злата догадалась бы, что это он, что именно ей адресован воздушный привет. Но такое мог себе позволить разве что Валерий Чкалов: говорили, что он однажды пролетел под мостом через Москву-реку. А Борису Ковзану так и не пришлось пролететь над Паричами.

После Красного Берега они уже не отходили от окна. Борис прикрыл глаза и задумчиво проговорил:

— Хорошо возвращаться домой! Кажется, даже березки и ели кланяются тебе, как старому знакомому.

Николай понимал состояние друга. Вспомнилось, как сам он ездил на побывку к родителям, с какой радостью узнавания вглядывался в подмосковные сады и рощи, речки и пруды. Но заговорил о другом:

— Ты говоришь, отец у тебя начальник почты. Самая что ни на есть конторская должность: письма, телеграммы, квитанции... Хочу себе представить, какой он.

— Зачем представлять — скоро увидишь.

— И все равно, ты, видно, в мать уродился: казачья кровь чувствуется.

— А это не так уж и плохо,— засмеялся Борис.— Мать у меня настоящая казачка: строгая, крутая.

— Я и говорю...

Николай залюбовался березовой рощей, что привольно кудрявилась на невысоком холме среди лугов.

— Правда, красиво. Пожалуй, и у Шишкина такого не найти.

— Подожди, еще не то увидишь. Эх, показать бы тебе Логойск или Паричи!

— И там ты бывал?

— Да уж помотало батьку по свету.— Борис снова задумался, припоминая.— То по службе его переводили, то просто не сиделось на месте. У меня, считай, все детство прошло в дороге. А вот в Бобруйске надолго осели.

Он стал рассказывать о своей кочевой жизни, о разных городах и местечках, увлекся и умолк лишь тогда, когда увидел знакомое приземистое здание вокзала. Вагоны лязгнули буферами, и поезд остановился.

От вокзала шли мимо старой крепости. Николай с интересом рассматривал высокий, поросший травой земляной вал, кирпичные башни с бойницами.

— А что, тут, за каменной стеной, жить можно,— заметил он,— никакая пуля не возьмет. Небось и подземные ходы есть, и склады, и убежища... На то и крепость.

— Была крепостью. Багратион здесь со своей второй армией останавливался, потом гарнизон четыре месяца осады выдержал,— сказал Борис.— И тюрьмой была. Сперва штабом декабристов, а когда шло следствие,— для них же тюрьмой...

Четыре года спустя он мог бы добавить, что Бобруйской крепости суждено было и еще раз стать тюрьмой, одной из самых страшных на оккупированной гитлеровцами советской территории — настоящим лагерем смерти.

Но это будет позже...

Они свернули на широкую улицу, по обе стороны которой кудрявились молодые клены и тополя. Дойдя до улицы Володарского, Борис остановился у деревянного углового дома, снял пилотку.

— Прибыли, да? — Николай тоже снял пилотку, оглядел дом за невысоким тесовым забором, над которым све-

шивались зеленые ветви яблонь. В палисаднике гостей встретили Иван Григорьевич и Матрена Васильевна.

— Борис! Боря!.. Приехал! А мы ждали, ждали...

Обнялись, расцеловались.

— Приехал. И не один, а с другом,— улыбался Борис.— Коля. Николай Поляков. Служим вместе. Прошу любить и жаловать.

Из глубины двора донесся радостный визг собаки.

— Тюлик! — позвал Борис.— Неужто узнал, шельмец!

— А то! — Матрена Васильевна потрепала пса по морде.— У него нюх-то небось собачий.

Иван Григорьевич, коренастый, плотный, в черной гимнастерке, подпоясанной узким ремешком, смотрел на сына и не узнавал его. Как он возмужал, как идет ему новенькая командирская форма! Заметив скованность отца, Борис весело заговорил:

— Что ты, батя, иль гостям не рад? А Толька где же?

С шумом растворилась калитка, и с улицы ворвался высокий вихрастый мальчишка. Увидев летчиков, он удивленно вытаращил глаза.

— Толя! Ты, я вижу, и знаться не хочешь! — Борис подошел к брату, обнял его, ласково взъерошил выгоревший чуб.— Знакомься, Коля, это мой братишка.

Анатолий смущенно улыбался, с завистью поглядывая на летную форму брата.

Матрена Васильевна, бойкая и подвижная, несмотря на полноту, уже хлопотала под навесом у небольшой свежепобеленной печки. Летняя печка во дворе — дань степным, казачьим обычаям. А в общем-то, ни в облике, ни в речи матери Бориса не было, пожалуй, ничего казачьего: сказывались долгие годы, прожитые в Белоруссии. Гремя сковородками и чугунами, она не забывала и про гостей, расспрашивала их о службе.

— А ты, Боря, совсем от дома отбился. Служишь рядом — давно бы приехать мог. Ну дай хоть поглядеть на тебя толком.— Она окинула сына строгим, придирчивым

взглядом.— Возмужал, подтянулся, хотя, видно, кормят вас там не ахти...— Словно вспомнив что-то, она засуетилась, прикрикнула на мужа: — А ты чего стоишь? Пора за стол садиться. У меня уже и бульба кипит, и шкварки готовы...

— Давай-ка пока освежимся с дороги,— предложил Борис Николаю.

Они прошли в глубь двора, сняли гимнастерки, умылись, по очереди окатив друг друга студеной водой прямо из ведра.

— Пройдите пока в дом,— пригласила хозяйка.

Через кухню, добрую половину которой занимала русская печь, Борис провел друга в небольшой уютный зал, оклеенный сиреневыми обоями, с двумя окнами в сад. На стене в самодельных рамках висели семейные фотографии.

— Это ты, Борька? — Николай рассматривал карточку, на которой был снят маленький Борис с отцом и матерью.— Да у тебя уже в ту пору выправка была военная. Руки по швам, стойка по команде смирно.

— А ты думал! Что, заинтересовался родословной?

— Да вот гляжу, может, у тебя предки какие-нибудь знатные были.

— Были. Вот посмотри.— Борис снял портрет в темной рамке. С фотографии глядел бравый солдат царской армии с лихо закрученными усами и четырьмя георгиевскими крестами на груди.

— Ух ты! Полный кавалер! — воскликнул Николай, рассматривая портрет.— Это кто же будет?

— Родной брат матери, мой дядя. Шахтер, в Донбассе работал. Орденом Ленина награжден.

— Теперь все понятно. То-то у тебя все замашки казацкие!

Николай повесил портрет на место, взял с полки модель самолета и принялся разглядывать ее, подтрунивая над Борисом:

— Кто же смастерил эту игрушку? Брат, поди?

— Борис и смастерил. Давно уж,— сказала, входя в комнату, Матрена Васильевна.

— Ты, Борька, оказывается, еще и конструктор!— не унимался Николай.— Талант! Самородок! И до сих пор скрывал.

— Был когда-то талант,— Борис усмехнулся, кивнул в сторону матери,— да вовремя не заметили, на корню загубили.

— Ты уж, Боря, меня в краску не вгоняй,— улыбнулась Матрена Васильевна и, обращаясь к Николаю, пояснила:— Он мастерил, а я ломала да в печку. Думала, пустым делом занимается. Вот одна только модель уцелела. Отец сберег.

— Тебе, казачке, были бы кони, а все остальное — пустая забава,— Борис ласково положил руку на плечо матери.

— А что, не хуже любого парня скакала.— Матрена Васильевна вдруг заторопилась:— Ну, ладно об этом. Пойдемте к столу.— Она подхватила Бориса и Николая под руки.

В заросшей сиренью и обвитой диким виноградом беседке у накрытого стола хлопотал Иван Григорьевич, заканчивая последние приготовления.

— О, да тут настоящая скатерть-самобранка! — воскликнул Борис.

— Милости прошу! — пригласил отец и, когда все уселись, первый поднял чарку: — За встречу, за доброе здоровье!

В разговорах и воспоминаниях незаметно шло время.

— А как сирень разрослась!— обвел Борис взглядом густые кусты.

— Сирень еще Борис посадил,— заметил Иван Григорьевич, обращаясь к Николаю.— Давно это было. Прежде она росла по ту сторону хаты. Когда делали капитальный ремонт, оказалось, что кусты мешают. Плотники гово-

рят: вырубать надо. А Борису жаль стало, выкопал и перенес сюда.

— А виноград посадили и электричество провели,— Борис кивнул на лампочку, свисавшую над столом,— уже без меня. Я тут еще с коптилкой сидел.

Потом пели: в честь матери — казачьи песни, в честь Ивана Григорьевича — «Когда я на почте служил ямщиком» и, наконец, «истребительную», как пошутил Николай, тихо запевая:

В далекий край товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят...

Пел Николай хорошо, сердцем вслушиваясь в песню. Он откинул голову, кудри его растрепались, голос лился ровно и мягко.

Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд,—

подхватили остальные.

— Хороша песня, хоть и грустная,— помолчав, вздохнула Матрена Васильевна.— И фильм этот, об истребителях, тоже хороший. Все втроем недавно в клубе смотрели и тебя, сынок, вспоминали. Я почему-то все время ждала: вот-вот и ты на экране появишься...

— Да-а...— Иван Григорьевич уважительно посмотрел на сына.— Даже не верится, что ты, Боря, стал летчиком, да еще истребителем. И ростом ведь не вышел, и худ, как кощей...

— Зато мне наш И-15 в самый раз,— отшутился Борис.— Коля вон говорит, ему в кабине не повернуться, а мне хоть бы что. Да я еще подрасту, на Тольку глядя. Что, померяемся, братишка?

Косяк двери, ведущей на кухню, был исчеркан карандашными отметками: красные — Бориса, синие — Толины. Последний раз мерялись перед отъездом в училище —

красная отметка была сантиметра на два выше синей. Теперь вышло наоборот, да не на два, а на добрых пять сантиметров. Борис сделал вид, будто его это не волнует, а сам подумал, что они со Златой одного роста. Что ж, надо тянуться, да и врачу в Одессе обещал...

Отдохнув, Борис с Николаем решили побродить по городу. С ними пошел и Толя. Позднее солнце мягким светом заливало улицы, по которым неспешно прогуливались отпускники, стайками проходили загорелые девушки с букетами цветов.

— Это с Березины, с лугов,— сказал Борис.— Завтра, Микола, и мы с тобой искупаемся. А сегодня хочу тебе кое-что показать.

Миновав несколько улиц, вышли на окраину. Здесь было тихо, деревянные домишки утопали в зелени,— совсем как в деревне. На вытоптанной лужайке мальчишки азартно играли в лапту. К ним присоединился и Анатолий.

— А я больше футбол любил,— сказал Борис.— Ты, Микола, играл в футбол?

— А как же! Правда, у нас в Москве особо не порезвишься, не то что здесь...

Остались позади последние домики окраины, и глазам открылась широкая, выжженная солнцем луговина, вдали — силуэты самолетов.

— Наш аэродром,— волнуясь, сказал Борис.— Здесь и я учился летать. Заглянуть бы к ребятам, да, вижу, сегодня у них ни полетов, ни прыжков.

— Скажи, Борис, а почему ты решил стать летчиком? Раньше как-то не спрашивал, казалось, это вполне естественно: кем же еще быть Борьке, как не летчиком? А все же? Может, какая случайность надоумила? Так часто бывает...

— Я никогда не задумывался над этим.— Борис оторвал взгляд от самолетов. На языке вертелось слово «призвание», но предпочел отделаться шуткой.— Ты же сам говорил, что у отца моего самая конторская работа: пись-

ма, квитанции... Вот сыну и захотелось чего-нибудь поострее, посовременнее...

Вернулись домой, когда уже стемнело.

— Может, на танцы сходим в парк? — предложил Борис.— Оркестр еще играет.

— Поздно,— Николай взглянул на часы.— Если бы сразу, а чего уж там к шапочному разбору.

— Ну, тогда спать!

Под большой сливой, рядом с малинником, стояла кровать, в темноте белели подушки и простыни.

Разделись и легли, укрывшись теплым одеялом: под утро будет свежо.

— Благодать! — Николай вытянул ноги, набрал полную грудь воздуха.— И небо прямо над головой, и звезды такие крупные и близкие...— Повернувшись на бок, он вскоре захрапел, а Борис еще долго лежал с открытыми глазами, смотрел на звезды. Снова нахлынули воспоминания. Казалось, вернулись детство и отрочество, будто он и не уезжал из Бобруйска. Но почему вдруг — Одесса? Он с товарищами стоит во дворе летной школы, и яркое южное солнце бьет прямо в глаза... Борис щурится, отворачивает голову, но солнце, уже с другой стороны, снова бьет ослепительным светом.

— Вставай, вставай! — тормошит его Николай.

Борис трет глаза, осматривается. Здорово: только что был в Одессе — и уже дома, в своем саду, залитом солнцем.

— Что же ты меня раньше не разбудил? — Борис вскочил.— Ну, пошли купаться. Утро-то какое чудесное!

Захватив полотенца, они отправились на Березину. По крутому берегу спустились к реке, разделись. В этот утренний час берега Березины были еще пустынны, лишь редкие смельчаки-купальщики тревожили спокойную гладь реки.

Борис зачерпнул пригоршнями чистой прохладной воды, плеснул себе в лицо и без раздумий бросился в реку, в

утро, в солнце... Встревоженное солнце заколыхалось, заходило волнистыми кругами. И вот наконец Борис на противоположном берегу. Провел руками по волосам, по лицу, словно отжимая воду, и крикнул:

— Давай сюда!

Николай, решившись, нырнул, широко и ходко поплыл к Борису

— Ну, как Березина? — смеялся Борис.

— Хороша! Такая бодрящая водица, что лучше быть не может.

Немного отдохнув, двинулись в обратный путь: надо было спешить.

После завтрака Матрена Васильевна, Иван Григорьевич и Анатолий провожали их на вокзал.

— Приезжайте, наведывайтесь почаще! — обнимая сына, говорила Матрена Васильевна. Она, как всегда, была сдержанна, несуетлива. А Иван Григорьевич тайком смахнул слезу. Может, это было предчувствие?

— Скоро приедем, обязательно приедем!

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

В последнее время было очень много полетов. Поэтому в воскресенье летчики чуть свет собрались в лес: говорят, земляники много и появились первые грибы колосовики.

Они шагали по песчаной дорожке. Мирно светило солнце. Высоко в небе летел аист. Борис Ковзан заметил:

— Смотрите, ребята, а ведь аист в полете очень похож на самолет. Ему бы еще нашу скорость!..

Кто-то из летчиков вспомнил стихи:

А там, дзе буслікі ўздужалі,
Іх пачынаюць вабіць далі.
Яны пачулі ў сабе сілы,
Яны разводзяць ужо крылы...

— Это что, по-белорусски? — спросил Николай.— Не все понимаю, а звучит хорошо. И, главное, как будто про нас сказано.

Миновав границу аэродрома, пологой, в росной траве тропинкой стали спускаться к лесу. И вдруг тревожный, какой-то необычный вой сирены разорвал тишину, повис над просторами.

Боевая тревога...

Куда девались недавняя беспечность, лирическое настроение. В считанные минуты летчики и техники уже в полном снаряжении заняли свои места у краснозвездных машин. В суровом молчании слушали они разносящийся по всему аэродрому голос Москвы: «Фашисты... бомбили наши города...»

Борис Ковзан, вместе с товарищами заступивший на первое боевое дежурство, сердцем почуял: на этот раз не провокация, не очередная проверка наших сил и готовности. Так и начинаются войны — под ясным голубым небом, в ликовании солнечного дня. Он сидел в машине, с минуты на минуту ожидая сигнала к вылету. Но сигнала не было. Не было его и через час, и через два, и весь тот долгий день...

Над аэродромом сгустились сумерки. Вокруг ни огонька, лишь в далеком небе холодно мерцали звезды. А жизнь уже текла по новому, военному распорядку. Летчики неотлучно находились у своих машин, поочередно несли боевое дежурство. Ужин привезли на аэродром. Ели тихо, без обычных шуток и смеха. Спать устраивались под крыльями самолетов на разостланных чехлах. И хотя за весь день ни один вражеский самолет не показался на участке, охраняемом истребительской группой, Ковзан и его товарищи так и не уснули в ту ночь.

А назавтра у Бориса был тот первый вылет и та первая горькая неудача, с которой начался наш рассказ... Упустил верную возможность сбить самолет врага... Уклонился от боя, как сказал командир полка. Надо ли гово-

рить, как мучительно переживал Борис Ковзан свой промах. Ему стало казаться, что товарищи уже избегают его. Осуждают? Или жалеют? Даже Николай...

Борис дал себе клятву, что в следующий раз ни за что не упустит противника, собьет, швырнет наземь кучей железного лома. Случай не заставил себя ждать. И что интересно, события во многом повторились...

Борис сидел в самолете, с тревогой посматривал на небо. Снова темнеет, из-за леса наползают облака. Неужто опять не дадут «добро» на вылет? Надо ждать. А пока еще раз прикинем, как лучше атаковать, если...

Взвилась ракета. Вот она, долгожданная минута. Взлет, выход в заданный район.

Вверху густо клубятся облака, внизу зеленой щеткой встает лес. Противника не видно.

Он перевел машину в набор высоты и стал пробивать облачность. Слой оказался не толстым, всего метров триста, и вот уже яркие лучи солнца ударили в кабину, вспыхнули на приборах. Над головой распахнулась бескрайняя синева неба. Облака внизу, под крылом машины, ослепительно белые, похожие на сугробы. Хоть становись на лыжи и мчись наперегонки с ветром...

И здесь, в заоблачной выси, все тихо и спокойно: ни своих, ни чужих. Будто и войны нет.

Ястребок несколько раз пересек вдоль и поперек заданный район. Напряжение, азарт начали постепенно спадать. Да и время полета подходило к концу. «Опять впустую,— с огорчением подумал Борис, легонько отдавая ручку управления от себя.— Только горючее зря жег!»

Держа курс на аэродром, вошел в облака. И едва вынырнул из белой молочной пены — чуть не вскрикнул: прямо перед носом ястребка увидел черные кресты. Не успев даже подумать, какой системы самолет, он буквально ринулся на противника, нажимая на гашетки пулеметов, испытывая сладостное чувство слитности с машиной. Внутренним чутьем ощутил, как веер пуль полоснул по

кабине вражеского бомбардировщика (все-таки бомбардировщика!), как истребитель проскочил у того под брюхом. И все же, когда окончательно открыл глаза и, оглянувшись, увидел, что самолет противника горит,— поверил не сразу. Бомбардировщик ткнулся из стороны в сторону, закружился, будто подхваченный вихрем, вошел в крутой штопор и врезался в землю недалеко от аэродрома.

Трудно передать, что испытывал Борис. Сделав круг над аэродромом, он стал заходить на посадку. И... не смог рассчитать приземление. Четыре раза заходил, и все неточно. Это он-то, летчик со стажем. И лишь с пятого захода наконец сел, зарулил на стоянку.

— Красиво же ты его, Борька! — пожимая другу руку, восхищенно сказал Николай Поляков.— С фокусом. Выскочил из облаков, дал очередь — он и заполыхал. А сам давай фигуры высшего пилотажа крутить.

— Какие там фигуры! — отмахнулся Борис.— Черт знает что такое: огонь-то открыл, а глаза закрылись. То ли от страха, то ли от радости. И ручку в это время не туда подал. До сих пор руки и ноги трясутся... от храбрости.

Командир полка перед строем объявил Борису Ковзану благодарность, крепко пожал ему руку.

— Теперь ты настоящий истребитель. Главное — не давай врагу опомниться. Спасибо за боевую службу.

— Служу Советскому Союзу!

Сколько еще раз доведется ему произносить эти чеканные уставные слова!

В НЕБЕ НАД ЗАРАЙСКОМ

Выгорели, порыжели от солнца и дыма, пропитались потом и маслом гимнастерки и пилотки. Да и в летчиках, загорелых, похудевших и посуровевших, ничего не осталось от щеголеватых юнцов, какими вступали в войну,

принимали боевое крещение. Многие уже не раз смотрели смерти в глаза, у иных засеребрились волосы, первые шрамы легли на лица.

И самолеты были уже не те: утратившие свой нарядный серебристый блеск, изрешеченные пулями и осколками снарядов...

После двух месяцев жестоких боев Борис Ковзан, Николай Поляков и еще несколько человек расставались со своим полком: их направили в глубокий тыл овладевать новой техникой. Тяжелым было прощание с боевыми друзьями. Кто знает, доведется ли еще встретиться? Молча жали друг другу руки, обнимались. У многих на глазах были слезы...

В запасном полку по ускоренной программе прошли теоретические и практические занятия на новых самолетах ЯК-1. Этот истребитель давал вдвое большую скорость, чем старенький И-15 бис, на котором летал Ковзан в первые месяцы войны. Новая машина-моноплан имела хороший обзор, была маневренной и по летно-тактическим данным не уступала немецким истребителям.

— Вот теперь повоюем! — не скрывая радости, воскликнул Борис, принимая новый истребитель.— Верно, Микола?

Тот, стоя на крыле своего только что полученного ЯК-1, бережно протирал тряпицей запылившийся фонарь. Он тряхнул в ответ густыми кудрями и, как всегда в торжественные минуты, запел:

В далекий край товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят...

— Так что, Павлуша, опробуем? — обратился Борис к стоявшему рядом технику, ростовчанину Стаднику, недавно окончившему летно-техническое училище, и стал забираться в кабину самолета...

В октябре эскадрилья, в которую направили Бориса и

Николая, прибыла на фронтовой аэродром и влилась в полк Героя Советского Союза Федора Шинкаренко.

Обстановка на фронтах в ту памятную осень была крайне тяжелой: фашисты рвались к Москве, не прекращали воздушных налетов. Летчики истребительного полка прикрывали дальние подступы к столице и в то же время помогали сухопутным войскам, нанося по врагу штурмовые удары.

Ковзан и Поляков не были новичками и поэтому сразу нашли свое место в боевом строю. Несмотря на дождливую погоду, делали по нескольку вылетов каждый день. С аэродрома приходили поздно вечером, усталые, мокрые, по колено в грязи, и тут же валились на солому, разостланную на полу крестьянской избы...

Какой из дней был особенно трудным? Может быть, тот, когда на аэродром не вернулись с боевого задания сразу двое товарищей. Погибли в бою, погибли на глазах у всех.

...Восьмерка истребителей под командованием капитана Георгия Зимина, взлетев, устремилась к линии фронта. Боевой порядок был такой: четыре самолета в ударной группе, два — в прикрывающей и два — в резерве, выше остальных. Борис был ведомым у Зимина в прикрывающей паре. Лету до линии фронта — считанные минуты. Под крыльями самолетов мелькали пустующие деревеньки, черные угрюмые перелески, серые поля. Все это виделось, как в тумане, а поверху шла сплошная облачность.

Неожиданно облачность прорвалась, словно вся осталась позади, и открылся широкий обзор. На горизонте отчетливо вырисовывались силуэты немецких самолетов: «Мессершмитты-110» под прикрытием МЕ-109 штурмовали наши войска. Зимин отдал команду: ударной группе с ходу атаковать противника.

И тут Борис с отчаяньем увидел, как истребитель капитана Шишкарева отвалил от группы и ринулся в лобовую атаку на МЕ-110. «Что делает? На верную гибель по-

шел! Сколько раз говорилось: только не в лоб!» Впереди у МЕ-110 четыре пушки и два крупнокалиберных пулемета. Борис это знал, но уже бессилен был помочь товарищу. «Мессер» открыл огонь из передних установок, ЯК-1 перевернулся на спину и спустя несколько секунд врезался в землю.

Но оплакивать Шишкарева было некогда: из-под солнца на нашу ударную группу, которая вела бой с МЕ-110, устремились два МЕ-109. Капитан Зимин покачал крыльями: иди за мной. Борис прижимается к ведущему, прикрывая его сзади.

Зимин делает маневр, заходит в хвост одному атакующему «мессеру», Борис открывает огонь по второму. У Зимина удача: в клубах дыма вражеский истребитель пошел к земле. А Ковзан промазал. «Мессер» делает «горку», пытается уйти. Но на пути у него оказывается Николай Поляков. Огонь Николая точен: уже два фашиста за одного Шишкарева. «Молодец, Микола!» — кричит Борис, хотя знает, что друг его не услышит.

Но ликовать рано: в атаку на машину Зимина пошла сразу пара фашистских истребителей. Командир в опасности! Борис разворачивается, длинной очередью сбивает одного «мессера» и снова пристраивается в хвост Зимину, прикрывая его; командир тем временем с задней полусферы атакует второго — и тот словно проваливается, падая вниз черной кометой.

А тут Ваня Гусев, увлекшись боем, не заметил, как его атаковала пара «мессеров». Наши истребители бросились на выручку, но было поздно. Ванин самолет взорвался в воздухе: видно, снаряд угодил в бензобак.

Горькая радость победы... Хмурые, пришли летчики с аэродрома. Не проронив ни слова, разделись, легли. Было холодно в жарко натопленной избе, неуютно на широкой, заботливо взбитой старшиной соломенной постели. Перед глазами стояли лица погибших, в ушах звучали их голоса. Казалось, вот-вот отворится дверь и они ввалятся в избу:

веселые, разгоряченные недавним боем. Прилягут рядом...

Но дверь не отворилась. В окна барабанил снова зарядивший дождь, в трубе завывал ветер...

Может быть, это был самый трудный, самый горький из тех октябрьских дней. А самый памятный для Бориса? Его можно назвать без колебаний: 29 октября 1941 года.

Накануне вечером порошил снег, подмораживало. Синоптики дали прогноз на 29-е: ясно, погода летная. А к утру опять потеплело, по небу поползли тяжелые облака и в конце концов разрядились моросящим дождем.

Борис, как обычно, проснулся рано. Поглядев в окно, он чертыхнулся про себя и надел поверх унтов галоши. Николай, как всегда, не упустил возможности поддеть друга:

— Тебе, значит, на синоптиков наплевать? Они там колдуют, стараются, вымаливают для нас погодку, а ты им назло — галоши.

— Это на всякий случай,— стал оправдываться Борис.— То ли дождик, то ли снег — на любую погоду.

Позавтракали, покурили и разошлись по своим самолетам, укрывшись от дождя брезентовыми чехлами. Но Борису не сиделось одному. Услышав голос Николая, что-то напевавшего, он вылез из-под брезента и направился к самолету Полякова. К ним решил присоединиться и старший сержант Алексей Прокопенко. Он потоптался у хвоста своего истребителя, сказал что-то механику и зашагал вслед за Борисом.

В отличие от Николая, Алексей не пел, зато был мастак по части всяких забавных историй из своей жизни. Ему верили и не верили, но слушали всегда с охотой, так как рассказывал он занятно.

Увидев друзей, Николай галантно приподнял чехол:

— Гордые соколы, прошу под мой уютный брезент, а то как бы не превратились вы в мокрых куриц.

Едва устроились, как Алексей без всякой, казалось бы, связи начал:

— Вот и со мной был случай в запасном полку. Взял как-то увольнительную, пошел в город — в кино. Дождик был, я и надел галоши...

Борис с Николаем переглянулись, а Алексей безобидным тоном продолжал:

— Да-а... Как назло, в фойе — комендант гарнизона. Вытаращился на мои ноги: «Галоши?! На гауптвахту!» Что делать? «Есть»,— говорю. И пошел. А по пути придумал, как мне хоть на следующий сеанс попасть. Отдаю дежурному по гауптвахте галоши и расписку требую. «Какую еще расписку?» — «Приказ коменданта». Ну, дал. И надо же, только подхожу к кинотеатру — комендант навстречу, сеанс кончился. Он аж позеленел: «Что такое? Где вы должны быть?!» А я ему — расписку. Ну, посмеялись...

Борис вспомнил, что он читал похожее, кажется, из пушкинских времен, сказал без обиды:

— Да будет вам. Еще позавидуете.

Время шло. По-прежнему шумел ветер, капли дождя стучали по чехлу. Но втроем даже под мокрым брезентом казалось не так холодно и неуютно.

Как только дождь утих, Николай вылез из укрытия.

— Ну, соколы, расправляйте крылышки. Разогнал-таки ветер тучи и теперь по полочкам раскладывает. После обеда, глядишь, полетим в гости... с подарочками.

На машине в термосах привезли обед. Необыкновенно вкусны были под прояснившимся небом и горячие, наваристые щи, и телятина с картошкой, и ржаной хлеб.

Между тем совсем распогодилось, в просветах появилось солнце.

— Младший лейтенант Ковзан, на командный пункт! — прокричал телефонист со стоянки.

Борис вскочил, привычным движением поправил планшет. В меховом комбинезоне, в унтах, он с трудом шагал по раскисшему аэродрому, проклиная свои галоши. А хо-

телось бежать, потому что чувствовал: вызывают по серьезному делу.

Командный пункт располагался в землянке. Капитан Зимин без долгих слов поставил боевую задачу: тремя машинами — Ковзан, Поляков, Прокопенко — вылететь на штурм войск противника в район Плавска.

— Борька, один идешь или с нами? — встретил его на полпути к стоянке Николай.

— Вместе, Микола, вместе.

Вскоре с командного пункта взвилась зеленая ракета. Три «ястребка» вырулили на взлетную полосу. Первым взлетел командир звена Ковзан, за ним Прокопенко, затем Поляков. Круг над аэродромом и — курс к линии фронта.

И вот под ними вражеские тылы. Начали поиск цели для штурмовки. Недалеко от Плавска заметили конный обоз. Перестроились в пеленг и пошли в атаку. Сначала прошлись с головы обоза, поливая его пулеметным огнем. Делая второй заход, отчетливо видели, как вставали на дыбы перепуганные лошади, переворачивались вверх колесами повозки. Обозники разбегались, падали в грязь. Одна за другой повозки начали взрываться: очевидно, были гружены боеприпасами.

Возвращались раздосадованные тем, что так и не нашли настоящей цели, не встретили вражеских самолетов. Особенно переживал Борис: обычно штурмовка не обходилась без воздушного боя.

Осталась позади линия фронта. Еще немного — и Поляков с Прокопенко пошли на посадку. Борис тоже начал снижаться. И вдруг слева по курсу показался знакомый силуэт. «Мы у них в гостях, а они у нас»,— мелькнуло в мыслях.

Он бросил взгляд на бензомер — оставалась примерно половина горючего. Можно атаковать. Прибавив газ, пошел на перехват. Самолет противника повернул навстречу. Это был «Мессершмитт-110». Крепкий орешек: мощное вооружение спереди, а заднюю полусферу прикрывает

стрелок со спаренным крупнокалиберным пулеметом. Летчик в полубронированной кабине, до него не так-то просто добраться. Вспомнилось, как такой же МЕ-110 на глазах у всей эскадрильи расстрелял машину Шишкарева.

Фашистский летчик, зная свою силу, не заботился ни о каких маневрах и шел напролом.

«Нет, только не в лобовую. В лоб его не возьмешь»,— мелькнула у Бориса мысль. Он резко бросил свою машину вниз, проскочил под брюхом «мессера» и боевым разворотом зашел ему в хвост. Стрелок тотчас открыл огонь. Огненные трассы пронеслись над кабиной «ястребка», но у Бориса отлегло от сердца: теперь преимущество было на его стороне. Он ответил огнем из пулемета и пушки и в считанные секунды заставил стрелка замолчать.

«Ну, теперь не уйдешь!» — ликовал Борис, понимая, что в задней полусфере он хозяин положения и что этого более чем достаточно. Прибавил скорость, пристроился к хвосту врага и нажал на гашетки. Но что такое? Несколько одиночных выстрелов и — молчок. Он лихорадочно перезарядил пушку и пулеметы, снова нажал на гашетки и лишь после этого поверил в непоправимое: кончился боекомплект.

«Эх, если бы не тот обоз!» Но тут же мысль заработала в другом направлении. Что делать? Повернуть обратно, дать «мессеру» возможность безнаказанно разбойничать в нашем небе? И как знать, не станет ли он сам первой жертвой. Ведь враг наверняка бросится в погоню и в упор расстреляет безоружный истребитель. Где же выход? Надо идти на таран!

Немецкий летчик пытается оторваться от сидящего у него на хвосте истребителя. Он резко маневрирует, бросает машину с крыла на крыло. Догадался, что советскому летчику нечем стрелять? Да это и неважно, главное — не отпустить его, а тем временем собраться с мыслями и с духом. Шуточное ли дело — таран! Но как отрубить хвост противнику и при этом сохранить свою машину?

Еще в училище Борис дважды перечитал книгу про Нестерова, про его знаменитый таранный удар, и почерпнул из нее одно: в принципе таран возможен. Впрочем, это уже подтвердил и Виктор Талалихин, и другие советские летчики. Был уже опыт, добытый иногда ценою жизни, были рекомендации. Главное: настигнув противника, уравнять скорости и винтом самолета точно нанести удар ему по хвосту. Легко сказать! А какое нужно для этого мужество, какая сила воли, какое искусство пилотирования!

И все же Борис отбросил колебания. Таранить! Таранить любой ценой!

Итак, вплотную подойти к противнику, уравнять скорости и рубануть его по хвосту. Борис пристально следит за каждым маневром фашиста. Вот наконец удобный момент — тот перевел свою машину на левое крыло. Спокойно, Борис! Давай в скольжение... Заходи под фюзеляж «мессеру»... Уравнивай скорости... Есть! Теперь главное — повторять все маневры противника. Тот отворачивает — и мы отвернем, тот набирает высоту — и мы поднимемся вверх...

Без малого полчаса продолжался этот полет с маневрированием — считай, от самой Тулы. Но как ни старался «мессер», уйти от советского «ястребка» ему не удалось. А может, в какой-то момент фашист потерял самолет Бориса из виду и успокоился.

Внизу показался Зарайск. Миновав город, фашистский летчик перевел машину в горизонтальный полет. Борис облегченно вздохнул: наконец-то. Его рубашка была уже мокрой от пота, он устал вытирать со лба испарину.

Чтобы собраться для решающего момента, Борис дал врагу возможность пролететь спокойно еще две-три минуты. Пора! Он подался грудью вперед, быстро перевел машину вправо от «мессера», занял выгодную позицию. И вот уже винт «ястребка» вращается над хвостовым оперением вражеского самолета...

«Пора!» Борис отметил про себя, что уже не разум, а

внутреннее чутье руководит его действиями — точными, решительными и молниеносными.

Он машинально нажал кнопку передатчика и бросил в эфир:

— Я — «Тюльпан». По курсу — Москва. Иду на таран.

Знал, что вряд ли кто-нибудь его услышит, а уж ответа наверняка не будет. Просто отсекал себе пути к отступлению, хотя в этом и не было нужды.

Все произошло в какие-то доли секунды. Сильный удар. В глазах мелькнула ненавистная свастика на руле управления и фюзеляже «мессера». Позже об этом напишут: «ЯК концами лопастей винта отсек двухкилевое хвостовое оперение «ягуара». Потеряв управление, серо-белый «мессер» клюнул носом, завертелся в воздухе и пошел к земле».

«Ястребок» отбросило в сторону, перевернуло на спину. Борис повис на привязных ремнях, сильно ударившись при этом головой о прицел.

«Жив! Может, выброситься с парашютом?» Но ЯК-1 продолжает лететь. Борис отводит ручку в сторону — машина послушно делает «полубочку» и снова по велению руки летчика переходит в горизонтальный полет. Итак, мотор работает, управление тоже. Не беда, что трясет как в лихорадке.

«Сдюжил, не подвел «ястребок»,— с нежностью подумал Борис и, глянув за борт, облегченно вздохнул: на сером скошенном поле догорали обломки тараненного «мессера».

Быстро убрал обороты двигателя — тряска стала меньше. Но горючее было на исходе. Надо приземляться. Сделав круг над полем, пошел на снижение и сел.

Выключив двигатель, он отстегнул ремни, отсоединил шлемофон, снял парашют и вылез из кабины. В наступившей тишине услышал, как забарабанили по крыльям самолета тугие капли дождя.

Осмотрел машину. Все целехонько, поврежден только винт — погнулся при ударе.

Обвел на карте красным кружочком название села, которое было неподалеку: «Титово», прикинул расстояние от села до места, где упал вражеский самолет,— там еще дымило — и тоже сделал пометку.

И только теперь, когда спало нервное напряжение, когда окончательно осознал, что все позади, он ощутил невероятную усталость во всем теле. В изнеможении опустился возле самолета, рукой прикрыл глаза.

Откуда-то издали донеслись голоса. Борис приподнял голову, осмотрелся, но никого не увидел. Голоса то возникали, то словно уходили куда-то. Он решил, что это ему чудится после пережитого напряжения.

— Вот он, вот! — послышалось совсем близко.

Борис повернулся — и не мог сдержать улыбки. К самолету бежали, как всегда первыми, дети. За ними спешили женщины, еще дальше ковыляли старики.

Интересно было услышать, как выглядел с земли его неравный поединок с фашистом. Ребятишки были возбуждены больше, чем он сам.

— Это вы его так рубанули? — спросил шустрый черноглазый мальчишка, показывая на дымящиеся вдали обломки «мессера».

— Я,— снова улыбнулся Борис.

— Ох и здорово! — продолжал тот, захлебываясь от восторга.— Я так испугался, когда увидел, что вы, дяденька, перевернулись вверх ногами!..

— Ну и дурень же ты,— снисходительно произнес паренек постарше.— Летчик же привязан, знать надо.

— Мы бежали, думали, может, помочь чем-нибудь, может, вы ранены,— сказала девочка в платке.

— Милые вы мои! Не ранен я, сами видите, ни царапины. Только какой же я дяденька? Мне всего девятнадцать лет.

Тем временем самолет окружили взрослые. Женщины

наперебой приглашали летчика в деревню попить молочка, отдохнуть. Старики только охали:

— Вот это да!

— Истинно сокол! Так их и надо, змеюк! Чтоб знали, чтоб не лезли...

Борис понимал их состояние. Ему припомнился разговор с мальчиком из беженского обоза, который остановился на отдых неподалеку от их аэродрома. Их прогоняли — мол, демаскируете, но, видно, очень хотелось людям посмотреть, как взлетают и садятся краснозвездные самолеты. А мальчик тот с недетской горечью говорил:

— Мы из-под Ельни идем. Когда наши Ельню отбили, хотели уже назад поворачивать. Нет, думаем, обождем. Прижились ненадолго в деревне Гуляево, это еще на Смоленщине. Там недалеко аэродром был. Тяжелые бомбардировщики. Так, не поверите: взлетают девять, а возвращаются три, четыре... А то еще: едем, а навстречу тащит коняка вот такой же истребитель, как ваш... Без крыла. И хоть бы одного фашиста сбитого увидеть!

Да, было такое время, трудное время. Хотя и сейчас нелегко, но все же кое-чему научились, техники прибавилось. Что ж, тому мальчику не довелось увидеть сбитого фашиста, так пойдемте, товарищи, с вами посмотрим.

И в окружении восхищенной толпы Борис направился к тому, что было недавно грозной боевой машиной.

«Мессер» развалился в воздухе: одно крыло дымилось метрах в двадцати от груды металла, в которую превратился фюзеляж, обрубленный хвост лежал еще дальше. Фюзеляж глубоко вошел в вязкую землю, его лизали языки пламени, ослепительно яркие на фоне едкого густого дыма. Все вокруг было залито бензином и маслом, жнивье то в одном, то в другом месте занималось огнем, белесые змейки прыгали по бороздам, и казалось, горела сама земля. Никто не хотел смотреть на черный, обугленный труп летчика в дымящейся кабине; стрелок при ударе, видно, провалился в глубь фюзеляжа.

Борис раз-другой пнул носком унта валявшийся поодаль хвост «мессера», бросил все-таки взгляд на кабину, молча отвернулся и зашагал к своему самолету. А женщины и старики еще долго толпились у догоравших обломков, мальчишки палками барабанили по горелому, податливому металлу...

Вскоре приехали на грузовике работники Зарайского военкомата. У самолета поставили охрану, а Бориса увезли в город.

Машина шла по серому, в бороздах жнивью, по разбитой ухабистой дороге, буксовала в желтом глиняном месиве. Руль рвало у шофера из рук, он то и дело чертыхался.

— А в небе, пожалуй, легче,— усмехнулся Ковзан, сидевший рядом с шофером в кабине,— ни грязи, ни ухабов.

Шофер взглянул на летчика, который сидел запрокинув голову и закрыв глаза, ничего не ответил, но чертыхаться перестал. На Бориса снова навалилась смертельная усталость и, конечно же, не от тряской, ухабистой дороги — он отдал все силы там, в небе.

Из города сразу же дали телеграмму в часть, а Бориса доставили в гостиницу. Вечером был дружеский ужин. Беседа с работниками военкомата затянулась далеко за полночь. Усталость как рукой сняло.

Но уже назавтра Борисом овладела новая забота: из части не отвечали. Не было ответа и еще через день, и еще... Ожидание становилось тягостным. Узнав, что неподалеку базируется истребительный полк, Борис выехал туда.

Там уже знали о подвиге Бориса Ковзана и с готовностью пришли на помощь. Дали новый винт, три бочки бензина, продукты, выделили техников. Поздно вечером Борис с техниками выехал к своему самолету.

На рассвете закипела работа. Заменили винт, заделали пробоины (без них не обошлось), заправили машину

горючим. И опять неувязка: забыли взять шланг для заправки воздушной системы самолета. Что делать? Не возвращаться же за ним... Нашли какую-то трубу, пристроили ее к аэродромному баллону, а второй конец ввели в воздушную систему «ястребка». Открыли вентиль. Получится или нет? Стрелка манометра медленно поползла по шкале и остановилась на отметке «40». Сорок атмосфер — можно лететь.

Борис поблагодарил товарищей, сел в самолет, попробовал мотор на всех режимах, проверил показания приборов. Как часы!

Он вырулил на край поля, развернул машину против ветра и взлетел.

В РУБАШКЕ РОДИЛСЯ

В полку Бориса ожидал приказ: немедленно вылететь в Сталиногорск. Едва приземлился, едва успел выбраться из кабины, как увидел бегущих к нему Николая Полякова и Павла Стадника. Даже не удивился, настолько это было привычно: если он вылетал на задание, а Николай оставался на земле, то встречали его неизменно эти двое — веселый, душа нараспашку, давний друг и сдержанный, немногословный техник, который, казалось, заботился только о машине.

— Здорово, Борька! Поздравляю, ты у нас герой! Хотя пока и с малой буквы,— не мог удержаться от иронии Николай.

— Уже знаете?

— А как же! Земля слухом полнится!

— Машина как? — спросил Стадник.

— Все в порядке, Павлуша.

— Значит, ты его в хвост и в гриву? — допытывался Николай.

— В хвост, Микола. Аж перья посыпались,— с улыбкой ответил Борис.— Сделал свое дело «ястребок» и снова готов в строй.

— Не ястребок, а настоящий сокол! — Николай взметнул руку и стремительно опустил ее вниз.— Сокол бьет на лету. Да, Боря, как же ты его заметил? Ведь вместе шли на посадку в Волове. Давай рассказывай все по порядку. Глядишь, и нам пригодится.

— Расскажу, Микола... Только постой, вы-то как здесь очутились?

— Из Волова снялись и сюда. Фашист напролом прет. И когда ему рога обломаем?

— Да-а, положение хуже некуда.

— А меня за это время подбили,— поделился своей бедой Николай.— Пришлось идти на вынужденную. Но самолет уже в исправности.

— Остальные наши где?

— Ты да я — вот и весь наш полк. Пока ремонтировали самолеты, одних на отдых отправили, других перевели в разные части. Прокопенко на отдыхе.

— Да, жаль с ребятами расставаться...

— А мы, Борис, знали, что ты сюда прилетишь. Оперативный дежурный сказал. Специально пришли тебя встречать.

— Спасибо, братцы, спасибо. Ну, а теперь я на командный пункт, нужно доложить. Пошли вместе, Микола.

— Я — к самолету,— заторопился Стадник.— Посмотрю, как он себя чувствует после тарана.

На командном пункте Ковзану и Полякову вручили телеграмму от командира их дивизии генерала Г. П. Кравченко. «Ждите моего прилета,— говорилось в телеграмме.— Указания получите на месте».

— Вот что значит герой,— озорно подмигнул другу Николай Поляков.— Из-за тебя сам генерал нам честь оказывает. Да еще какой генерал! Прославленный, халхинголец.

Генерал прилетел в тот же день, расспросил Бориса о подробностях боя с «мессером», побеседовал с Николаем и направил обоих в полк, которым командовал майор Сапрыкин.

Полк, расположенный в одном из небольших сел, был вооружен истребителями И-16. Летали на прикрытие наших штурмовиков и сами штурмовали войска противника. Для Бориса и Николая это была привычная работа. Делали по пять-шесть вылетов в день, огнем с неба преграждая путь наземным войскам противника, громя и подавляя его мотопехоту.

Как-то после боевого вылета летчики отдыхали в землянке. Было весело, шумно, рассказывали анекдоты, забавные истории. Неожиданно дверь распахнулась, и в землянку вошел незнакомый батальонный комиссар — плотный, в черном кожаном реглане.

Комиссар бегло оглядел летчиков и спросил:

— Где найти командира полка?

Николай Поляков взялся проводить его. Вернувшись, подмигнул Борису.

— Ой, чую, по наши души.

— С чего ты взял?

— А вот увидишь!

И верно, немного погодя в землянку вошел майор Сапрыкин:

— Ковзан, Поляков, ко мне!

В комнатушке командира полка сидел тот самый батальонный комиссар. Он объявил, что по приказу командующего Ковзан и Поляков переводятся в другой полк, оснащенный машинами ЯК-1.

Новость огорчила молодых летчиков. Едва успели привыкнуть, сдружиться, сработаться с товарищами, а тут начинай все сначала. Борис вопросительно посмотрел на командира полка. Того, видно, тоже не обрадовал приказ: не хотелось расставаться с обстрелянными, видавшими виды пилотами. Но ему ничего не оставалось, как сказать:

— Поскольку вы летаете на ЯКах, а наши на И-16, то вам, конечно, целесообразнее перейти в тот полк...

Батальонный комиссар нахмурился:

— Вы думаете, наш полк хуже? Ошибаетесь. Пойдемте, я вам кое-что расскажу.

Комиссар попрощался с Сапрыкиным и, сделав знак Борису и Николаю, направился к выходу.

Федор Федорович Маркин, несмотря на строгий вид, оказался веселым, общительным человеком. Он сразу расположил к себе обоих, и к концу беседы Борису уже казалось, что они давно воюют бок о бок, не один пуд соли вместе съели. Позже он узнал, что Маркин был летчиком, участвовал в боях на Халхин-Голе, затем перешел на политработу, но продолжал летать и не раз участвовал в воздушных боях. Федор Федорович рассказал, что полк, куда направляются Ковзан и Поляков, ведет бои под Ельцом, что летчикам приходится жарко и боевой работы хватит на всех.

— А вы, я вижу, рветесь в бой. Стало быть, это именно то, что вам нужно.

Условились, что Борис и Николай прилетят на следующий день.

Назавтра утром Ковзан и Поляков приземлились в Ельце. На аэродроме их встретил заместитель командира полка Георгий Конев, кавалер трех орденов Боевого Красного Знамени. Борис и Николай переглянулись: значит, прав был батальонный комиссар — боевой полк.

Конев окинул прибывших строгим придирчивым взглядом и молча зашагал к командному пункту. Борису пришлось прибавить шагу, чтобы не отставать. Навстречу им шел молодой офицер. Это был Николай Ватутин, командир эскадрильи, в которой предстояло служить Ковзану и Полякову. В тот же день познакомились поближе.

У летчиков нового полка была своеобразная форма: короткие меховые куртки, шапки-кубанки, на шее — кашне из парашютного шелка.

— Собственная инициатива,— пояснил Конев.— Комбинезон не очень удобен: пока влезешь в него, пока застегнешься... Вот и перешили их на куртки и брюки. Ну а кубанки — это больше для форса...

Вскоре и Борис с Николаем облачились в новую форму.

Был конец ноября 1941 года. Фашисты продолжали наступать. В жестоких воздушных боях Борис не раз попадал в тяжелые переплеты, был на волосок от гибели.

...Вражеская колонна, наступающая в направлении Ельца, стремилась прорваться в тыл советским войскам. Наши части отходили к городу Ливны. Краснозвездные истребители штурмовали гитлеровские подразделения на марше, поливая их пушечным и пулеметным огнем.

Борис шел уже в четвертую атаку, когда вдруг ощутил сильный удар — машину тряхнуло, бросило в сторону. Оказалось, что от попадания зенитного снаряда вспыхнул двигатель. Пламя росло, разгоралось с бешеной скоростью. Медлить нельзя. Что же делать? Выброситься с парашютом — значит живым попасть в лапы к фашистам. Нет, плен — хуже смерти. Надо искать выход, еще несколько минут — и самолет взорвется в воздухе. «Надо во что бы то ни стало перетянуть за линию фронта. Если уж прыгать, то на своей территории...» — решил Борис.

Рискованное решение! Кто знает, сколько ему отпущено времени. А может, взрыв произойдет вот сейчас, сию минуту? Но ничего другого не оставалось.

Он сделал разворот, посмотрел вниз. Небольшой поселок, на подходе к нему — колонна противника; вторая огибает поселок с севера. Протянуть, протянуть еще немного... Языки пламени лижут фонарь, удушливый дым наполняет кабину. Вот-вот огонь доберется до бензобаков. «Ну еще, еще самую малость...» — мысленно взывает Борис к своему «ястребку».

Все... И прыгать поздно — нужно садиться. Под крутым углом истребитель пошел вниз, над самыми крышами поселка выровнялся, и сразу за околицей шасси коснулось

земли. Короткая пробежка. Борис поспешно выбирается из объятого пламенем самолета. Бежит. Падает. И в ту же секунду за спиной раздается оглушительный взрыв. Прощай, «ястребок», прощай, дружище! Ты дал летчику эту последнюю, спасительную секунду.

Хотя о спасении говорить еще рано. Фашисты вот-вот войдут в поселок и отрежут его от наших. Пойти наобум, забирая немного к югу? А если там дозоры, разведка? Да и в самом поселке могут быть фашисты.

И все же надо в поселок. Вон в тот, крайний домик, что стоит немного на отшибе. Пригнувшись, Борис побежал к домику, стараясь не думать о том, что его там ожидает. Перебежками, от сугроба к сугробу, добрался до двора. Зашел со стороны оврага — туда выходили окна. Кто-то отпрянул от стекла, и почти тотчас же на пороге показалась женщина. Немолодая, одетая по-домашнему, с натруженными руками. У нее было простое, доброе лицо, спокойные светлые глаза.

— Заходи, сынок,— только и сказала она. Борис торопливо шагнул за нею в просторные сени, а потом в избу и, ни о чем не спрашивая, попросил:

— Мамаша, дайте во что-нибудь переодеться.

— Снимай свою форму,— почти приказала женщина, понимая, что сейчас не время для расспросов.

Пока Борис раздевался, она достала из-за печи выгоревшие штаны из крашеного полотна, старый, залатанный полушубок. Меховую летную куртку вместе с брюками и сапогами увязала в свой головной платок, бросила коротко: «Заберешь, коль придется» — и с узлом вышла во двор.

На печи кто-то зашевелился. Борис вздрогнул от неожиданности, но тут же улыбнулся: вот уж и впрямь у страха глаза велики. Протирая глаза, на пол слезла девочка лет пятнадцати. Вошла мать, сказала:

— Нинка, посмотри под лавкой старые Ванины ботинки.

Нина пошарила кочергой и выгребла из-под широкой скамьи видавшие виды башмаки.

— Еще бы какую-нибудь шапчонку найти,— оглядывая свой костюм, сказал Борис.

Нашлась и старая дедовская шапка.

— Ну вот, маскировка лучше не надо.

Борис засунул пистолет под рубаху, документы спрятал в шапку — благо, подкладка была оторвана, достал из планшета карту.

— На Ливны мне нужно, к своим.— Он выпрямился, огляделся еще раз.— До свидания, дорогие. И спасибо вам. Выберусь из этой петрушки — не забуду.— И направился к выходу.

Хозяйка фартуком вытерла глаза.

— И мой сынок, Ванечка, вот так же где-то воюет. Давно уж нет весточки. Может, и ему кто-нибудь поможет в лихую минуту. А тебе, сынок, надо спешить. Тут эти нехристи уже шастали. Разведка или как... Ступай с богом, сынок. Дочка тебя проводит. Оврагами идите...

Борис нахлобучил на глаза шапку, взялся за дверную скобу. Женщина метнулась к столу, отломила ладную краюху хлеба:

— Возьми, перекусишь в дороге. Когда еще до своих доберешься...

Они шли по оврагу, заросшему невысоким кустарником. Идти было легко: ветер здесь задувал не так свирепо, а главное, крутые склоны скрывали их от чужих глаз. Разговорились.

— Ты в каком же классе? — спросил Борис.

— Была в седьмом.

И Нина рассказала, что, с тех пор как в районе идут бои, школа не работает. Фашисты только один раз заглянули в деревню, и больше их не слыхать, но жители на всякий случай вырыли землянки, чтобы укрываться от бомбежки. Зерно — в ямах, скот в лесу спрятали.

— А может, еще и не придут фашисты, может, отсюда и начнут их гнать...

Дорогу Нина знала хорошо, у нее были свои ориентиры, к тому же почти все время, около часа, они шли оврагом. Но вот овраг кончился. Тропинка вывела на большак, который угадывался по следам множества машин. Зимний день короток. Нине пора было возвращаться.

— По этой дороге вам и шагать до самых Ливнов,— сказала она.— Здесь уже недалеко. Счастливо вам!

Теперь Борис понимал, что для него опасность миновала. Но он не мог не думать о том, что грозит Нине и ее матери, если придут фашисты.

— Дай-ка, Нина, я запишу, как вас звать-величать. Если жив останусь — обязательно приеду после войны.

На полях карты он записал: «Клочковы Александра и Нина».

— А я Ковзан. Борис... Ну, когда-нибудь буду Ивановичем. А пока просто Борис. Еще раз передай большое спасибо маме. И не горюйте, фашистов скоро прогоним...

К ночи Борис добрался до Ливнов, а вскоре был уже в родном истребительном полку в Ельце и на новом самолете летал на штурмовку вражеских войск. И не раз, пролетая над деревней Кривель, которая специально была отмечена у него на карте, мысленно посылал привет двум славным женщинам, пришедшим ему на помощь в трудную минуту.

На какое-то время фашистам удалось захватить Елец. Полк перебазировался в другое место, и уже оттуда истребители вылетали на операцию по освобождению Ельца.

Елецкая операция развернулась и завершилась почти одновременно с наступлением наших войск под Москвой, и каждый летчик сознавал: он по-своему участвует в разгроме врага на подступах к столице.

Однажды Борис Ковзан в составе группы истребителей сопровождал бомбардировщики СУ-2 на бомбежку отсту-

пающих войск противника. Прилетели в заданный район, отбомбились и легли на обратный курс. Борис заметил, что один бомбардировщик отстает. Пошел за ним. Летчик покачиванием крыльев попросил: сопровождай. Все истребители ушли, а Борис сопровождал подбитый бомбардировщик до аэродрома, проследил, чтобы тот приземлился, и лишь после этого сел сам.

Назавтра снова предстояли полеты, но смущала погода: густая дымка, переходящая в туман, окутывала и самолеты, и аэродромные постройки. Борис колебался: лететь или выждать? Метеоролог уверял, что облачность и туман — местного значения, а по маршруту ясное, чистое небо.

Борис решил лететь. Но едва оторвался от взлетной полосы, как попал в еще более густой туман. Зимой и без этого трудно ориентироваться: и земля, и небо — все бело, а уж в тумане и вовсе ничего не разберешь. Он сразу потерял землю из поля зрения.

Поднялся выше, пробил облака. На высоте в полторы тысячи метров действительно было ясное небо. Пошел на один аэродром, но он оказался закрытым. Повернул на другой — там тоже не принимают из-за плохой видимости. Полетел на третий — та же картина. И горючее уже на исходе. Вот и верь после этого синоптикам! Хоть ты на облака садись! Выпрыгнуть с парашютом — это еще можно. Да ведь жалко машину губить... Борис решил уйти от города и приземлиться где-нибудь в поле. Тамбовские степные поля он видел не раз и был уверен, что сядет благополучно.

Пролетел немного, глянул на бензомер — горючего на пять минут полета. Перевел машину в планирование, с минимальным углом вошел в облака.

Высота сто метров — земли нет, сплошная облачность. Пятьдесят метров — земли по-прежнему не видно. Клубится густой туман. И вдруг в поле зрения появились черные точки, пунктиры... Борис взял ручку на себя, но было уже

поздно. Машина ударилась лыжами о землю и по снежному насту помчалась под откос. Борис не видел, как стремительно приближался отвесный противоположный склон оврага. От сильного удара летчика выбросило из кабины и швырнуло на мерзлую землю. Страшная боль пронзила голову и спину, в глазах потемнело...

Очнулся он в больнице, в тамбовской деревне Беломестная Двойня, и узнал, что его без сознания подобрали колхозники в десяти шагах от разбитого самолета.

Через неделю приехали из санчасти полка, и Бориса перевезли в Елец. В тот же день его навестили Поляков и Стадник.

— Как дела? Как здоровье?

— Здоровье ничего, болит уже поменьше,— Борис поднял с подушки забинтованную голову.— Машину жаль. Надо же было этому оврагу на пути оказаться. Туман, ничего не видно, а бензина — капля...

— Да брось ты оправдываться. Машину новую дадут. Главное, сам жив. Знаешь, что про тебя сказал комиссар Маркин? «Ковзан, говорит, в рубашке родился. Коль он из двух таких переплетов живым вышел, ему теперь вообще бояться нечего».— Николай похлопал друга по плечу.— Кстати, слыхал, как немчуру под Москвой турнули? Бегут без оглядки.

— Слыхал, как же... А машины все-таки жаль, хоть она и подвела меня — нашла этот дурацкий овраг посреди ровного поля.

— Ты на машину не вали, она не виновата,— обиженно сказал Стадник.— А в общем, поправляйся давай. Мы снова в Ельце, ждем.

«ДЕЛАЕТСЯ ЭТО ПРОСТО...»

Скучно и однообразно текли хмурые декабрьские дни. Целый месяц провел Борис в санчасти: ушибы оказались тяжелыми, мучили головные боли. Снова и снова ругал

самоуверенного метеоролога, погоду, овраг, досадовал на самого себя, на свою оплошность. Надо же: столько провел воздушных боев, шесть самолетов сбил, считая и тот, тараненный, а тут на ровном месте...

Надоели серые стены палаты, надоело думать об аварии, о разбитой машине. Скорей бы в воздух!..

Ребята не баловали посещениями, хотя Борис знал: для этого они использовали малейшую возможность. Значит, нет возможности, значит, жарко в небе, а он тут отлеживается, словно в награду за какой-то подвиг.

Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, он заставлял себя вспоминать детство, дом, Злату... Мечталось: вдруг Злата появится здесь, пройдет своею стремительной походкой, резким движением головы отбросит волосы. Вот будет чудо! Но на войне чудеса бывают не так уж часто. Счастье, если они вообще когда-либо встретятся...

Какая-то девушка выбежала из ворот санчасти, быстро зашагала через улицу. Борис загадал: «Если обернется — встречу Злату». Было в этом и нечто большее: значит, выживу, пройду сквозь огонь. И тут, словно почувствовав на расстоянии его взгляд, девушка резко повернулась, глянула прямо на его окно. Он узнал ее — это медсестра Надя. Та самая, худенькая, что часто бросает на него смущенные взгляды, дольше, чем у других, задерживается у его койки. Славная девушка...

Борис опять погружается в воспоминания. «Интересно, где теперь Злата? Скорее всего, эвакуировалась вместе с родителями. Хороший у нее отец. Постой, на кого же это он похож? Да-да, на комиссара Маркина. Не внешне, а какой-то внутренней сутью».

С отцом Златы он познакомился случайно. На почте был бильярд — достопримечательность Паричей,— и Георгий Николаевич с другом зашли сыграть партию-другую. Борис был в бильярдной.

— Ты, парень, не сын Ковзана? Принеси-ка нам шары.

Борис принес шары и стал наблюдать за игрой.

Георгий Николаевич заметил парашютик на лацкане его пиджака.

— А это откуда у тебя?

— Я в Бобруйском аэроклубе занимаюсь.

— Вот оно что.— Георгий Николаевич с интересом оглядел парнишку.— Молодец. Значит, летчиком хочешь стать?

— Хочу! И стану! — с вызовом сказал Борис.

— Что ж, летчики стране очень нужны...

Борис тогда не знал, что Георгий Николаевич — отец Златы, но так уж получилось: тот несколькими словами поддержал его мечту...

Опускался вечер, за окном пошел густой снег. Потеплело. В палаты принесли ужин. Аппетита не было, но, чтобы скорее выписаться, Борис заставлял себя есть.

На следующий день в кабинете врача он встретил Надю. Она была хороша в белом халатике, в косыночке. Поздоровались.

— Что-то вы вчера так быстро домой бежали? Обидел кто-нибудь?

— Что вы! — улыбнулась девушка.— Просто, знаете, из тепла на холод. И вообще нам не положено подолгу задерживаться в палатах. Больным покой нужен.

Слово за слово — разговорились. Борис расспрашивал о жизни в городе, интересовался, много ли разрушений, есть ли жертвы среди местного населения.

— Не дали им тут долго хозяйничать, немцам-то,— сказала Надя.— Не успели развернуться, как их обратно погнали... Меня, правда, в это время в Ельце не было. Нас, медработников, эвакуировали на самолете в Рассказово. Вернулись после освобождения. А мать и сестра здесь оставались, в подвале прятались...

— Да, отсюда фашистов быстро турнули. Теперь их погоним и дальше. А до моего Бобруйска еще далеко. У меня там родители, ничего о них не знаю. Эх, скорей бы на самолет!

С этого разговора началась дружба, которой суждено было вырасти в чувство, связавшее их на долгие-долгие годы.

Появился у него и еще один добрый знакомый — фельдшер Захар Марченко. Они были одногодки. Захар часто заходил в палату, подолгу засиживался возле Бориса, не оставлял без внимания и других. Вообще, это был чуткий, влюбленный в свое дело человек. Мать его, Марина Ярославовна, жила в Ельце, отец воевал на Северном фронте. Когда Борис пошел на поправку, Захар пригласил его к себе домой.

Выбрался Борис в гости к Марченко только в день выписки. Свежий морозный воздух пахнул в лицо, когда он вышел из санчасти. Адрес Захара знал, поэтому шагал без оглядки. Марина Ярославовна через окно заметила летчика, стоявшего возле их дома, и выбежала на крыльцо.

— Ты Борис?

— Борис Ковзан,— по-военному ответил юноша.

— Мне Захар столько о тебе рассказывал! Заходи, пожалуйста. Захар сейчас придет, он на минутку вышел.

От половиков в чисто прибранной комнате, от старых фотографий на стенах, от самой Марины Ярославовны повеяло родным домом, уютом мирных дней. Пришел Захар. Сели за стол, потекла беседа. Марина Ярославовна, тихо улыбаясь, любовалась сыном и его другом. Эта темноволосая, с ранней сединой женщина чем-то напоминала Борису его мать. Он улыбнулся про себя. Захар заметил это.

— Что-нибудь не так?

— Напротив, все очень даже так. Хорошо у вас, как дома.

А через несколько дней Борис вместе с товарищами вылетал из Ельца.

Вечером накануне отлета они долго ходили с Надей по заснеженным, в голубых узорных тенях улицам Ельца. Этот тихий степной городок стал для Бориса близким и

Борис Ковзан и авиатехник Филипп Леонов
после того, как сбили
вражеский самолет-разведчик (1943 г.).

Бригадный комиссар
Иван Васильевич Машнин (1942 г.).

Герой Советского Союза Борис Ковзан (1943 г.).

Встреча в Военно-Воздушной Академии
с Героем Советского Союза Алексеем Маресьевым (1953 г.).

Борис Ковзан с родителями,
Матреной Васильевной и Иваном Григорьевичем,
и братом Анатолием (1953 г.).

Б. И. Ковзан с сыновьями Борисом и Евгением, курсантами летного училища ГВФ (1965 г.).

Б. И. Ковзан среди пионеров г. Лукомля (1971 г.).

Герой Советского Союза
полковник Борис Иванович Ковзан (1977 г.).

родным. В тот же вечер Борис побывал у Нади дома, познакомился с ее матерью, Евдокией Николаевной, и старшей сестрой.

Потом Надя проводила его до калитки.

На прощание поцеловались.

Назавтра утром самолеты взлетели с елецкого аэродрома.

Немецко-фашистские войска, потерпев поражение под Москвой и Калинином, отступали. К концу февраля наши части в результате обходных маневров окружили в районе Демянска 16-ю немецкую армию. Необходимо было уничтожить окруженную армию, разгромить войска, которые стремились прорваться ей на выручку. В подкрепление нашим частям и перебрасывался истребительный полк, в котором служил Борис Ковзан.

21 февраля двадцать истребителей ЯК-1, разорвав тишину ясного морозного утра, дружно снялись с аэродрома и взяли курс на северо-запад. Летели над освобожденной от фашистов территорией. Многие города и села были сожжены и разрушены, развалины, пожарища зияли черными ранами среди белоснежных просторов, но гордым и радостным чувством полнились сердца летчиков: Москву не отдали, погнали врага и теперь уже будем гнать до конца. До Берлина. До победы.

У Бориса в душе все пело. Он всегда преображался в полете, теперь же, после месяца больничной маяты, у него, отдохнувшего и истосковавшегося по небу, силы, казалось, удесятерились.

Благополучно приземлились в указанном месте, и тут же техники начали готовить машины к перелету на фронтовой аэродром. Летчики получили приказ ужинать и отдыхать.

Утром 22 февраля, после завтрака, их собрал бригадный комиссар Иван Васильевич Машнин. Он кратко обрисовал обстановку на фронте, особенности боевых операций, познакомил с тактикой фашистских истребителей.

Высокий, плечистый, с открытым русским лицом, бригадный комиссар говорил тихо, спокойно, без пафоса и ораторских жестов.

— Фашисты стараются во что бы то ни стало спасти свою 16-ю армию, вывести ее из окружения.— Машнин подошел к висевшей на стене карте и карандашом обвел большой район.— Не бездействует, конечно, и авиация. Бомбардировщики под прикрытием истребителей наносят удары по нашим войскам на поле боя, по аэродромам, железнодорожным станциям, шоссе. Пока у них перевес и в количестве машин и в их технико-тактических данных. Но вот что любопытно: их летчики часто уклоняются от открытых схваток с нашими истребителями. Чаще попадаются охотники, которые действуют парами, подкарауливают наши одиночные самолеты и бьют по-воровски, из-за угла. Нередко перехватывают тех, кто возвращается с боевых вылетов, и сбивают над нашей же территорией. Это надо иметь в виду и смотреть в оба. Транспортная авиация противника доставляет боеприпасы и подкрепление окруженной армии. Тут тоже есть где развернуться истребителям. Наши летчики дерутся храбро, а с вами, с новым пополнением, дела пойдут еще лучше. Желаю вам успехов в боях.

Потом Иван Васильевич отвечал на вопросы, сам расспрашивал летчиков, просто, задушевно, по-отечески советовал:

— Горячи вы, ребята, горячи... А горячность часто губит. Больше выдержки, хладнокровия, трезвого расчета. Не забывайте: враг хитер и коварен.

Борис еще раньше слышал об Иване Васильевиче Машнине, о требовательности и отзывчивости бригадного комиссара. Это по его инициативе был создан дом отдыха для личного состава. Даже не верилось. Это у немцев, говорят, были такие дома. Так они же собирались к нам вроде как на прогулку, заранее думали о комфорте, к тому же лет-

чики у них — аристократия, белая кость. Что ж, выходит, и мы не лыком шиты.

После беседы все направились к самолетам, чтобы помочь техникам быстрее подготовить машины. Подойдя к своему истребителю, Борис с удивлением увидел, что с мотора сняты капоты. Павел Стадник доложил: при осмотре самолета обнаружена течь масляного радиатора, устранить эту неисправность удастся только во второй половине дня.

Командир полка разрешил Борису лететь одному, как только машина будет исправлена. Не хотелось отставать от друзей, лететь в одиночку. Как подбитый журавль...

— Ничего себе журавль! — засмеялся Николай Поляков.— Да этот журавль любому коршуну крылья срежет.

Не знал Николай, что его слова окажутся пророческими.

Полк поднялся в воздух, а Борис остался на аэродроме. Вместе с Павлом Стадником и другими техниками менял радиатор.

К 14 часам машина была отремонтирована. Борис явился на командный пункт, доложил о готовности. И тут совершенно неожиданно получил от командующего, генерала Куцевалова, приказ лететь на прикрытие шоссейной дороги Москва — Ленинград, на участке Валдай — Вышний Волочок.

Как пехотный командир, готовясь к атаке, еще и еще раз прикидывает мощь и расположение вражеских огневых средств, так летчик, получивший приказ на вылет, первым делом обращает внимание на погоду. Ослепительно сияло холодное солнце. Заснеженные леса и светло-голубое, будто подернутое льдом небо курились белесой морозной дымкой. Под ногами громко хрустел снег. Борис пошел к самолету, сказал Павлу, что получен новый приказ, надел парашют.

В 15.00 он взлетел и уже через несколько минут подошел к Валдаю. Высота три тысячи метров. Самолетов про-

тивника не встретил, зато понял, почему ему срочно поставили новую задачу: по шоссе растянутой колонной двигались наши автомашины и танки.

В заданном районе еще внимательнее стал наблюдать за воздухом. Под крылом проплыл Вышний Волочок. Повернул обратно и в этот момент заметил, как ниже, примерно на высоте две тысячи метров, над шоссе разворачиваются три «юнкерса». Фашистские самолеты, выстроившись в пеленг, один за другим бросились в пике на нашу колонну.

— Ах, вот вы где, гады! — Борис без раздумий пошел на сближение. Фашистские летчики, заметив советский истребитель, перестроились в новый боевой порядок — клин, и продолжали бомбить. Не теряя ни секунды, Борис ринулся в атаку. В голове единственная мысль: расколоть немецкий клин и бить врага поодиночке.

Расстояние между самолетами быстро сокращалось. Стрелки́ с «юнкерсов» открыли огонь. С дистанции шестьсот метров Борис тоже пускает в дело пушку и пулеметы и выжимает из «ястребка» предельную скорость. Триста метров... Еще мгновение — и ЯК врежется в строй вражеских бомбардировщиков. Нервы фашистских летчиков не выдержали. Крайние самолеты поспешно отворачивают и уходят, один — вправо, другой — влево. Клин расколот.

Не сбавляя скорости, истребитель проносится под ведущим «юнкерсом», атакует его сзади и снизу. Не удалась атака — фашистский бомбардировщик уходит на Торжок. Борис делает «горку», набирает высоту и бросается в атаку сверху. Задний стрелок замолчал, но «юнкерс» летит как и прежде. Борис снова атакует и... в ярости скрипит зубами: кончились боеприпасы.

Что такое таран с психологической точки зрения? Это крайний, почти отчаянный шаг, когда все остальные средства исчерпаны. Это, может быть, единственный путь к спасению, как было в небе над Зарайском. Но и другие си-

лы могут бросить летчика в таранную атаку: ненависть к врагу, жажда победы и, наконец, азарт боя.

«Нет, врешь, все равно не уйдешь!» — И Борис, слившись с машиной в одно целое, идет на таран. Секунда-другая — и вот уже знакомое положение: нос истребителя завис над хвостом «юнкерса». Еще секунда... Скольжение... Удар... «Ястребок» как бы сцепился в воздухе с «юнкерсом», толкает его вперед.

«Эх, малость не рассчитал!» — досадует Борис. Но дело сделано: «юнкерс» с обрубленным хвостом, с измочаленной задней частью фюзеляжа падает недалеко от Торжка, взметнув в воздух столб огня и черного дыма.

Однако и Ковзан в опасности. Глохнет мотор. Истребитель сваливается в штопор. Нужно большое искусство, огромные усилия, чтобы прекратить это безудержное падение. Удалось! Машина планирует в леденящей, словно ватной тишине.

Но где же сесть? Кругом лес, овраги, а до городского аэродрома ни за что не дотянуть. Мозг Бориса лихорадочно работает, но высота все уменьшается. Он вышел из штопора примерно на тысяче метров, а осталось сто пятьдесят... Как спасти машину?

К счастью, впереди небольшая поляна. Борис облегченно вздыхает. Выпускает шасси и щитки, подвешивает самолет, парашютирует. Истребитель опускается лыжами в рыхлый снег и бежит к кромке леса...

Злой, с холодной испариной на лбу, Борис выскочил из кабины. «Почему заглох мотор?» — других мыслей в эти секунды у него не было. Осмотрел машину. Из-под капота текло масло. Снял капот, покачал головой: «Да, дела... Пробит картер. Надо менять и винт, и мотор. Малейшая неточность при уравнивании скоростей во время тарана — и вот результат. А могло быть хуже...»

У Бориса, конечно, и в мыслях не было, что он в этот момент работал на военную науку: выверял тактику таранного удара.

Прибежали колхозники, жители ближних деревень. Уважительно разглядывали самолет: «Ишь ты, целехонек. А тот — в щепки!», поздравляли молодого летчика. Кто-то распорядился выставить у машины охрану. Бориса пригласили на ужин и ночлег, а утром помогли на санях добраться до авиамастерских.

В мастерских только и разговоров было о его схватке с «юнкерсом», об удачном таране. Начальник мастерских охотно взялся помочь, но мотора для ЯК-1 у них не оказалось. Тут Борису сообщили, что звонил член Военного Совета Калининского фронта, интересовался, нет ли Ковзана на их аэродроме.

— Так-то, сам генерал Дребеднев тебя разыскивает,— сказал начальник мастерских.— Думают, без вести пропал. А ты здесь, да еще и с победой. Мы видели твой таран — здорово!..

Он посоветовал Борису обратиться в соединение штурмовиков, которым командует Герой Советского Союза полковник Георгий Байдуков. Борис поехал в соединение прославленного летчика.

В штабе не было ни командира, ни начальника штаба, их ждали с минуты на минуту. Разговорились с дежурным. Борис назвал себя и рассказал, что его привело к Байдукову.

— На ловца и зверь бежит! — обрадовался дежурный.— Вторые сутки тебя ищем — не можем найти. Думали, погиб. А ты, оказывается, цел и невредим...

В это время дверь распахнулась и в штаб вошел коренастый полковник. Борис сразу узнал Георгия Байдукова по фотографиям, на которых он стоит в обнимку с Чкаловым и Беляковым после легендарного перелета через Северный полюс в Америку. У Бориса, как и у всех курсантов аэроклуба, тоже был такой снимок из журнала.

Он представился Байдукову. Тот крепко пожал ему руку, пригласил к себе в кабинет.

— Слыхал, слыхал...— говорил Байдуков.— Ловко ты

его рубанул! И это, говорят, уже второй? Расскажи-ка, дружище, как это у тебя получается?

— Делается это просто...— начал было Борис и осекся: «Перед кем расхвастался, герой!» Продолжал уже поделовому: — Значит так, заходишь в хвост...

— А может, он тебе специально хвост подставляет?.. Ладно, знаем мы таких скромников. Говори, с чем прибыл.

Борис назвал, что необходимо для ремонта самолета. Байдуков вызвал инженера, попросил оказать помощь Борису. Инженер предложил перевезти машину в мастерские. Для буксировки выделили трактор из батальона аэродромного обслуживания и двух техников.

Вечером Байдуков пригласил Бориса на ужин, а затем на торжественное собрание в честь Дня Советской Армии.

Между тем Ковзана разыскивали уже двое суток. И не только потому, что где-то в снегах затерялся отставший от полка самолет. Газета ВВС «Сталинский сокол» сообщила о таране, совершенном Борисом Ковзаном. В полку всполошились, на розыски вылетел подполковник Георгий Конев.

А на седьмой день, отремонтировав поврежденный самолет, Борис сам прилетел в полк. Встретили его как героя.

— Мы тут, Борька, так переживали за тебя! — говорил Николай Поляков, обнимая Бориса.— Нам говорят: вылетел, а тебя нет. Как в воду канул. Но я-то знал, что ты себя в обиду не дашь... Признайся: ты специально задержался, чтобы таранить немца?

Весть о подвиге Бориса Ковзана облетела весь фронт.

ТРЕТИЙ ТАРАН

За второй героический подвиг младший лейтенант Ковзан был награжден орденом Ленина. Ранним утром 22 мая летчики, удостоенные правительственных наград, собрались на аэродроме, построились в две шеренги. Награды

вручает командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Куцевалов.

Генерал вызывает Георгия Конева. Твердым строевым шагом подходит коренастый, среднего роста подполковник, на груди которого горят три ордена Боевого Красного Знамени. Командующий крепко жмет руку летчику и привинчивает к его гимнастерке еще одну, самую дорогую и высокую награду — орден Ленина.

У Бориса Ковзана гулко стучит сердце, на глаза навертываются слезы...

Это он, Жора Конев, тогда еще капитан, первым встретил Бориса, прибывшего в полк. Это он вылетел на поиски, когда Борис с поврежденной машиной застрял в снегах. Георгий рассказывал Борису про эти поиски.

...На У-2 сержанта Николая Шмелева они поднялись с аэродрома и взяли курс на деревню, где базировались два полка — истребителей и штурмовиков. Вылетели затемно: Шмелев отлично помнил, как накануне утром два «мессера» прямо над аэродромом атаковали и подожгли только что взлетевший У-2. Оба летчика погибли.

В деревне Шмелев подрулил к небольшому домику, где находился штаб истребительного полка. Встретились старые друзья: Георгий Конев и командир полка, известный летчик-испытатель, мастер воздушных поединков Петр Груздев.

Конев рассказал, что разыскивает Бориса Ковзана.

— Он «юнкерса» таранил, а в полку об этом не знали. Приходит наша авиационная газета, читаем: «Таран Бориса Ковзана».

— Знаю. А зачем его искать? Он сам нашелся.

— Когда? — не поверил Конев.

— За полчаса до твоего прилета. Мне начальник штаба докладывал. Говорит, Ковзан ремонтирует свой самолет и через два-три дня будет здесь. Этот парень нигде не пропадет. Нам бы такого летчика , мы бы этим «черным стрелам» хвосты порубили...

— Выходит, я зря летел?

— Нет, Жора, не зря. Я вот помянул «черные стрелы». Понимаешь, повадились тут два «мессера», совсем обнаглели. Приноровились, сволочи, на рассвете или в сумерках перехватывать наших штурмовиков. В одиночку хоть не возвращайся с задания, чуть отстал — собьют. Жора! Золотко! Давай сшибем тех двух гадов фашистских! Вот так на них руки чешутся!

В тот же день Конев с Груздевым на двух истребителях вылетели на охоту за «черными стрелами» — вдоль фюзеляжей у «мессеров» шла зигзагообразная черная линия. Приманкой был У-2 Николая Шмелева, который шел низко над землей. Конев и Груздев держались на большой высоте в ожидании сигнала. По ракете Шмелева ринулись на «мессеров», уже торжествовавших победу, и в коротком бою сбили обоих.

...Генерал вызывает Бориса Ковзана. Кажется, в самые трудные минуты боя тот не испытывал такого волнения. В строю летчиков зашелестело: «Ковзан... Тот самый...» Генерал-лейтенант привинчивает к его гимнастерке орден, по-отечески обнимает.

— Служу Советскому Союзу!

Борис долго не может успокоиться, прийти в себя. В глазах у него все плывет, кружится — и лица товарищей, и краснозвездные машины, что стоят на аэродроме, как в почетном карауле, и белоснежные облака в высоком небе, и кудрявые березки.

Орден Красной Звезды получает Николай Шмелев.

— Это тот самый Шмелев?..— спрашивает Борис у Конева.

— Он. Погоди, я вас познакомлю.

После церемонии награждения к ним подошли Шмелев и Груздев.

— Борис, золотко, дай я тебя обниму! — певуче произнес Груздев, заключая Ковзана в объятия.

...Вскоре Конев и Груздев погибли.

Всю весну и лето 1942 года на Северо-Западном фронте не стихали кровопролитные бои. Фашисты построили около Рамушева переправу через Ловать и всеми силами старались вырваться из тисков наших войск. Советские бомбардировщики и штурмовики под прикрытием истребителей без устали бомбили позиции врага и переправу. И в жаркие солнечные дни, и в прохладные белые ночи не прекращались бои. Аэродром напоминал огромный, непрерывно гудящий пчелиный улей. Не успеет одна группа истребителей оторваться от земли, как другая заходит на посадку. Только зарулил на стоянку, выключил мотор, техник забрасывает вопросами:

— Как работала матчасть? Вооружение? Замечания есть?

И тут же начинается подготовка машины к очередному вылету.

Только в столовой, где хозяйничают молодые веселые официантки Катя и Тоня, спадало напряжение, наступала короткая разрядка.

Так было и 9-го июля. Борис, как всегда, поднялся рано, поглядел на небо. «Да, жаркий будет денек»,— подумал он.

И не ошибся.

С утра вылетали на прикрытие наших войск от налетов вражеской авиации. В обед немного передохнули. В столовой Коля Поляков избрал своей жертвой белобрысого Васю Лифанова из Вольска.

— Опять ты, Катя, Васильку двойную порцию положила,— начал он.— Этакий кусище мяса! А на меня ноль внимания. И чем он тебя приворожил?

— Бедный Василек! — притворно вздыхает официантка Катя.— Мама его далеко, так он отощал совсем. Надо его подкармливать, чтобы после войны вернулся домой богатырем.

— И не один! — громко смеется Николай.

— Не один,— озорно подмигивает Катя.

После обеда летчики собрались на командном пункте. Приехал начальник штаба соединения полковник Простосердов. Человек высокой военной культуры и большого личного обаяния, он, ставя перед летчиками боевую задачу, всегда особое внимание уделял мелким, на первый взгляд, деталям, которые часто оказывались решающими в исходе сражения. Простосердов набрасывал возможные варианты предстоящего воздушного боя, старался предусмотреть неожиданные осложнения. На задание летчики уходили окрыленные, уверенные в своих силах.

— Задача заключается в том,— сказал полковник после короткого обмена новостями в масштабе соединения,— чтобы прикрыть наши бомбардировщики, наносящие удар по немецкому аэродрому в Демянске: там сосредоточены транспортные самолеты Ю-52.

Старший лейтенант Манов и Борис Ковзан должны были лететь выше бомбардировщиков и истребителей прикрытия, чтобы в случае появления самолетов противника отвлечь их на себя.

На стоянке, как всегда, Бориса встретил Павел Стадник. Он доложил, что истребитель готов к полету, и протянул полный котелок красной душистой малины.

— Перед полетом, товарищ командир, очень полезно. Свежая, только набрал.

— Где это ты нашел? И когда успел? — спросил Борис, набивая рот сочными ягодами.

— Лес-то рядом,— засмеялся Павел.— Здесь в кустах ее пропасть. После полетов я вам покажу, если хотите.

— Спасибо, Паша,— сказал Борис.— Вкусно. Но от кустов уволь, не пойду.

— Что, поколоться боитесь?

— Нет, тут другое дело.— И он рассказал Павлу про давнишний случай с малиной.— Змей боюсь. Вернее, не боюсь, а как-то противно... Давай парашют.

Борис надел парашют, сел в кабину самолета, привя-

зался. Поглядел по сторонам: Манов тоже сидит в кабине, готовый к вылету.

На горизонте показалась девятка бомбардировщиков Пе-2. Взвилась ракета. В одно мгновение взревел весь аэродром: враз заработали шестнадцать мощных моторов. Летчики парами выруливают на старт и взлетают. Бомбардировщики делают круг над аэродромом, истребители принимают боевой порядок, и вся армада ложится на курс к линии фронта. Манов и Ковзан держатся метров на 600—800 выше остальных.

Линию фронта прошли спокойно: ни зенитного огня, ни истребителей противника. Уже и цель недалеко. Но тут из-за облака показались два МЕ-109 ф и стали заходить в атаку на Манова.

Борис связывается по радио с Мановым, предлагает ему выходить из-под удара и дублирует свой сигнал покачиванием крыльев. Но Манов не реагирует на сигналы, по-прежнему идет по прямой. Что делать? Решение может быть только одно: надо выручать товарища.

Борис резко разворачивает свою машину в сторону противника и открывает заградительный огонь по курсу вражеских истребителей. Ведущий МЕ-109, который атаковал Манова, взмывает вверх. Борис снова делает разворот, и тут второй «мессер» огнем отсекает его от Манова и от всей группы наших истребителей. Ничего не поделаешь, приходится вступать в бой одному против двоих над территорией, занятой врагом.

Над территорией, занятой врагом... Именно это больше всего беспокоило Бориса. Он был уверен в своих силах, но в бою все может быть... Тогда надо выбрасываться с парашютом, а это — верный плен. Нет, только не плен! А что, если попытаться, выполняя разные маневры, заманить фашистов на нашу сторону и уже там схватиться с ними по-настоящему?

Наверно, это выглядело загадочно: советский истребитель крутил в воздухе фигуры высшего пилотажа, делал

«бочки», перевороты, а «мессеры» с остервенением носились вокруг него, не в силах взять на прицел. Борис только и замечал, как то справа, то слева от машины проходили трассы снарядов и пуль.

Едва в районе станции Любница линия фронта осталась позади, он сразу положил машину в глубокий вираж на крыло и начал ходить по замкнутому кругу. Фашистские истребители тоже применяют маневр, один пытается зайти в хвост советскому «ястребку», второй переходит в лобовой вираж. Борис в клещах. Сходятся на встречных курсах. И противник, и Борис открывают огонь, но безрезультатно.

На бешеной скорости проносятся машины друг над другом и сходятся вторично. Во время этой атаки на виражах трассирующие пули накрывают машину Бориса, впиваются в мотор. Пробита водяная и масляная системы. В кабине запарило, задымило. Самолет начал валиться на крыло. Борис с трудом удерживает машину на вираже, бросает взгляд на приборы. Резко упало давление масла, температура воды подскочила до 120 градусов. Драться можно еще две-три минуты, а потом... Что будет потом, Борис не думал. Главное — успеть за эти оставшиеся минуты нанести удар. Удар из последних сил.

Из патрубков повалил дым от горящего масла. «Мессершмитты» неистовствуют, чуя добычу. В какие-то доли секунды Борис заметил, вернее — почувствовал, допущенную немцем ошибку. Противник третий раз шел в лобовую атаку. Таранить! На встречном курсе ударить крылом по крылу фашиста. В воздушном бою действия опережают мысль. Борис ставит свою машину на крыло под углом. Она стремительно несется навстречу «мессеру», навстречу победе или гибели.

В последние секунды фашистский летчик выравнивает свой самолет Борис оказывается ниже его. Пора! Резким движением он направляет свой истребитель на машину противника...

Когда пелена в глазах рассеялась, Борис увидел, что его «ястребок» с отрубленной консолью правого крыла под крутым углом мчится к земле. С неимоверным усилием перевел его в планирование. И в это время заглох мотор. Непривычный и жуткий перепад: рев, от которого ломит в ушах,— и вдруг мертвая тишина, лишь свист ветра за кабиной. Долгие годы будет слышать Борис эту звенящую тишину.

Шасси не выпускалось, а машина между тем с каждой секундой теряла высоту. Внизу насыпь шоссейной дороги, немного в стороне — домишки города Валдая. Из последних сил Борис перетянул за шоссе и удачно сел прямо на брюхо.

Открыл фонарь, глотнул свежего воздуха. Вылез из кабины. Снял парашют, шатаясь от усталости, обошел истребитель вокруг.

— Да, милый, досталось тебе. Шуточки: два тарана. Теперь свое отслужил.

Борис любил и берег машину, и та платила ему верной, безотказной службой. И на этот раз «ястребок» сделал свое дело: раненый, изрешеченный пулями, невредимым доставил летчика на землю. Борис прощально провел рукой по фюзеляжу — в этом жесте была благодарность и почти нежность. Наверно, момент прощания видели солдаты, выпрыгивавшие из кузова грузовика, что остановился на шоссе. Вскоре Борис оказался в окружении военных, среди которых был и комендант Валдая. Посыпались вопросы:

— Ну как, жив-здоров?

— Может, «скорую помощь»?

Борис устало улыбнулся:

— Спасибо, ребята, все в порядке. Только есть и спать охота.

— Ну, это не проблема,— сказал военный комендант и, уступив летчику место в кабине, велел шоферу быстрее гнать в город.

В военной комендатуре уже знали о происшедшем — все по очереди поздравляли Бориса. А тот, случайно увидев себя в зеркале, рассмеялся:

— Да что ж вы, братцы, не скажете! Я ведь грязнее черта. Нет ли здесь воды горячей?

Принесли воды. Борис смыл с себя копоть и масло, причесался, затем попросил связать его с аэродромом. Доложив начальнику штаба полка о выполнении боевого задания, с горечью заметил, что машину, пожалуй, восстановить не удастся.

Начштаба поздравил его с новым подвигом, пожелал здоровья и успехов, а под конец добавил:

— О машине не беспокойся, Ковзан. Для тебя самолет всегда найдется. Третий таран, батенька,— это не каждому дано. Отдыхай, дорогой. Завтра за тобой прилетят.

Ночевал Борис в Валдае. На квартире, куда направил его комендант, быстро разделся и бросился в свежую, прохладную постель. Уснул быстро и крепко, по привычке зарывшись головой в подушку. Проснулся, когда в комнате было уже светло, и поначалу не мог сообразить, где он. Прямо над его кроватью висела репродукция картины Айвазовского «Девятый вал». Мерно постукивали большие стенные часы. Все это рождало ощущение домашнего уюта и покоя. Память уже восстановила вчерашние события, но хотелось продлить эти минуты блаженства.

Вдруг маятник старых часов запнулся и раздался мелодичный звон. Борис сосчитал удары. Восемь. Надо вставать и расставаться с этим уютным домом. Он чувствовал, что отлично отдохнул и хоть сейчас готов в новый полет.

Утро было теплое, солнечное. Спешили на работу люди, встречалось много военных. Бодрым, легким шагом шел Борис по городу, щурясь от яркого солнца. Уже хотел взойти на крыльцо комендатуры, как увидел подъехавшую легковую автомашину. Из нее вышел военный со знаками различия капитана.

— Не знаете ли, как разыскать летчика Ковзана?

— В вашем распоряжении,— вскинул руку к козырьку Борис.— Чем могу быть полезен?

Капитан крепко пожал ему руку:

— Сердечно поздравляю. Я корреспондент фронтовой газеты. Прошу вас поехать со мною в редакцию. Самолет прилетит за вами не в Валдай, а прямо к нашей редакции. Все согласовано. Едем срочно. Там, кстати, узнаете кое-что приятное для вас.

— Что ж, нужно так нужно.

Борис попрощался с комендантом, поблагодарил за ночлег. Когда вышел к машине, капитан уже нетерпеливо поглядывал на часы.

Вначале ехали по шоссе, затем свернули на проселочную дорогу, которая вела в лес. Вскоре автомобиль остановился на зеленой поляне перед небольшим деревянным домиком.

— Вот и наша редакция. Приехали,— сказал капитан, открывая дверцу автомашины.

В редакции Бориса обступили журналисты, стали дотошно расспрашивать:

— Как все было?

— Что чувствовали?

— Сколько времени продолжался бой?

— В каком состоянии самолет?

Когда вопросы стали иссякать и беседа подходила к концу, редактор сказал:

— Вас, Борис Иванович, можно еще раз поздравить: командование Северо-Западного фронта присвоило вам внеочередное звание. Теперь вы старший лейтенант. И еще вы награждены орденом.

— Завидую я вам, журналистам,— говорил Борис, принимая поздравления,— любую новость узнаете раньше всех. Так и в прошлый раз было: ребята меня ищут, думают, без вести пропал, а в газете уже: «Таран Бориса Ковзана»...

— Есть и у нас асы своего дела,— улыбнулся редактор.

Что правда, то правда: среди военных корреспондентов, учинивших Ковзану «допрос» в редакции и продолживших его на поляне в лесу, были настоящие асы — поэты Сергей Михалков и Михаил Матусовский, а с ними композитор Дмитрий Покрасс. Наверно, во время знакомства они не очень внятно называли себя, потому что уж имя Михалкова что-то сказало бы Борису. Однако он узнал, с кем беседовал, только через несколько дней, от того же редактора армейской газеты и был немало смущен. (Тридцать пять лет спустя Михаил Матусовский расскажет об этой встрече на страницах «Красной Звезды», в очерке «Валдайские зори».)

...Между тем послышался стрекот легкого авиационного мотора. У-2 сделал круг над поляной и пошел на посадку.

— Это за вами, товарищ старший лейтенант,— редактор сделал ударение на новом звании Бориса.

Около самолета его встретил Ваня Сомов, крепко обнял, расцеловал.

— Садись скорее. Ты тут интервью раздаешь, а там хлопцы заждались.

— Ну, а как вчера? Все наши вернулись? Манов как?

— Полный порядок. Все живы-здоровы.

Несколько минут полета — и под крылом родной аэродром. Снова объятия, поздравления. Последним подошел Павел Стадник.

— Я уже знаю,— заговорил он об их общей утрате.

— Да, Паша, пропал наш «ястребок», изрешетили его «мессеры». Но и из них один не ушел, где-то в болоте торчит.

На аэродроме состоялся митинг. Радостные минуты... Но главная радость — встреча с боевыми друзьями, возвращение в строй.

Командир соединения полковник Симоненко предложил Борису несколько дней отдохнуть.

— Да чего же мне отдыхать, товарищ полковник! Я совершенно здоров, не чувствую никакой усталости...

— Отдыхать, отдыхать, Борис,— улыбнулся Симоненко.— Это приказ. Или в отношении отдыха мои приказы не имеют силы?

— Есть отдыхать, товарищ полковник!

— Ну вот, сразу и официальный тон. Кстати, ты знаешь, сколько теряет в весе летчик после таранного удара? И я не знаю. Думаю, что порядочно. Так вот: приказываю набрать недостающие килограммы.

Борис вспомнил похожий разговор на медицинской комиссии, при поступлении в училище, и не смог сдержать улыбки.

Но отдыхал он всего один день, 12 июля. День этот запомнился тем, что был он бесконечно, тягостно длинным. Ребята ушли на задание, вернулись и ушли снова, а он изнывал в одиночестве. Позавтракал, потом бродил по лесу и до того измаялся, что уже хотел идти на аэродром. И ушел бы, попросился бы в полет, но тут приехал член Военного Совета армии Иван Васильевич Машнин.

Машнина не ждали. Увидев подъехавший автомобиль, Борис выскочил на крыльцо, подбежал к члену Военного Совета с докладом.

— Вот тебя-то, орел, мне и нужно! — сказал Машнин, обнимая Бориса.

Он подтвердил все, что было сказано редактором армейской газеты, и тут же вручил Борису четыре красных эмалевых кубика.

— Это вдобавок к тем, что ты носишь.

Разговор у них затянулся допоздна. Машнин расспрашивал о детстве Бориса, о родителях, о здоровье. И под конец задал вопрос:

— Ты, Борис, коммунист?

— Комсомолец.

...Вскоре, после блестящего выполнения очередного боевого задания, Борис Ковзан был принят кандидатом в члены партии. Получая кандидатскую карточку, он сказал:

— Даю слово партии и советскому народу, что не пожалею сил в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. А если понадобится, и впредь буду рубить хвосты и крылья хваленым фашистским летчикам.

Понадобится, Борис, даже очень скоро понадобится...

Спустя несколько дней в полк пришла «Комсомольская правда». На первой странице были помещены большой портрет Бориса Ковзана и сообщение о его третьем таране.

В вечернем сообщении Совинформбюро от 11 июля 1942 года говорилось:

«Летчик Борис Ковзан встретил в воздухе двух немецких истребителей «Мессершмитт-109» и вступил с ними в бой. Плоскостью своей машины Ковзан таранил один немецкий самолет. Другой истребитель противника не принял боя и скрылся. Это был третий успешный таран отважного сокола».

Порадовало Бориса и письмо из Ельца.

«Здравствуй, дорогой Борис! — писала Надя.— Редко получаю от тебя вести, но и на том спасибо. Недавно я прочла в «Комсомольской правде», что ты совершил еще один таран. Поздравляю тебя, дорогой. Береги себя, я хочу, чтобы ты остался жив. Что-то ты очень мало пишешь о себе, а хочется знать больше. У меня все по-прежнему, все здоровы».

Борис прочел письмо и задумался. Что верно, то верно: пишет он редко и скупо. Так, записки какие-то, а не письма. Хотя, сказать по правде, и писать-то особенно не о чем: бои, полеты, бои. А хвастаться не в его правилах.

«Дорогой...» — улыбнулся он про себя. И ответное письмо тоже начал словами: «Дорогая Надя...»

А фронтовая жизнь шла своим чередом. Каждый бой уносил из рядов полка все новых товарищей. Вместо погибших приходили молодые летчики, только что окончив-

шие военные училища и школы. Тем радостнее была встреча с Георгием Зиминым — первым боевым наставником Бориса. Вспомнили тот злополучный бой, в котором погибли Шишкарев и Гусев.

— А ведь ты меня спас тогда. Не уйти бы мне от тех двух «мессеров»,— сказал Георгий.— Дай-ка хоть сейчас обниму тебя... Тогда недосуг было.

Борису было приятно признание боевого товарища. Из всех подвигов прославленного летчика Грицевца он особенно ценил последний: когда тот, приземлившись на вражеской территории, взял в свою машину сбитого командира.

Выяснилось, что Георгий Зимин недавно прибыл на Северо-Западный фронт и командует уже полком истребителей, который базируется недалеко, на соседнем аэродроме.

— Так что еще не раз свидимся,— сказал он на прощание.— А пока вот что, Борис: беспокоюсь я за тебя. Молод ты и горяч больно. Так и до беды недалеко. Воевать нужно расчетливо, без напрасного риска. Вернее — риск должен быть с расчетом. Риск, а не ухарство. Хороший ты парень, и голова у тебя светлая. Береги ее.

Позже Борис не раз вспоминал слова Георгия. Вспоминал и прикидывал: было ли такое, чтобы он шел на напрасный риск? Нет, во всех трех случаях (а Георгий говорил, конечно, о его таранных ударах) он, Борис, действовал продуманно, с расчетом. Поступи он иначе, это значило бы уклониться от боя, отступить. Понимаю, дорогой Георгий, говорил ты из добрых чувств ко мне. Спасибо...

ОДИН ПРОТИВ ЧЕРТОВОЙ ДЮЖИНЫ

Раннее июльское утро. Солнце только поднимается над лесом. Автомашина идет по тряской лесной дороге, задевая бортами ветви деревьев и кустов, и в кузов, на головы летчиков, падает с листьев серебристая роса.

— Для нервов — первое дело! — смеется Борис, вытирая ладонью окропленное росой загорелое лицо.— Эх, зря умывался...

Летчики едут на аэродром. Еще издали в утренней тишине слышен гул моторов — техники готовят машины к полетам.

Приехали, позавтракали. Начальник штаба ставит боевую задачу: разведка, вылеты на прикрытие поля боя. Метеоролог знакомит с прогнозом погоды: весь день ясно. Значит, денек будет горячий.

Что ж, дело привычное. Но настроение у Бориса было подавленное, и он не мог доискаться причины этого. Павел Стадник сразу заметил:

— Что-то вы нынче не в духе, товарищ командир.

— Да ничего,— махнул рукой Борис,— просто задумался. Машина готова? Хорошо! А насчет настроения, так ты же знаешь, как его поднять. Заведи-ка, Павлуша, свою шарманку...

Павел где-то достал старый, насквозь проржавленный патефон, отремонтировал его, раздобыл пластинку — одну-единственную. И надо же, чтобы это оказалась песня-вальс «На сопках Маньчжурии», которую так любил Борис.

Павел проворно разостлал под крылом самолета брезентовый чехол, завел патефон. Тот захрипел, зачихал, засвистел — и вдруг полились чистые нежные звуки, послышались знакомые слова старинной песни. Борис сосредоточенно слушал эту пластинку и вполголоса вторил тихой, задумчиво-грустной мелодии. Вспомнились Белоруссия, Бобруйск, родные и близкие, погибшие товарищи. Едва вальс отзвучал, вызвали на командный пункт. Павел быстро убрал патефон, свернул чехол, еще раз придирчиво осмотрел машину.

Борис получил задание вылететь на разведку в район Рамушево — Дно — Старая Русса. Уже не раз ему приходилось летать над этими местами. Знал, что сильный зенитный огонь можно встретить над станцией Дно, истре-

бителей — над Старой Руссой: именно там они уже не раз перехватывали его. Знал также о сильной зенитной и воздушной охране переправы через Ловать в районе Рамушево. Знал, но по пути к стоянке снова и снова продумывал маршрут.

На высоте четыре тысячи метров пошел к станции Дно. Под обстрелом зениток проскочил Дно, вышел на Рамушево, затем пролетел над Старой Руссой — и вот уже озеро Ильмень. До своего аэродрома рукой подать. Но Борис давно заметил закономерность: чаще всего ему приходилось ввязываться в бой перед самой посадкой. Начиная с того первого, печально памятного случая. Нет, на этот раз вражеских самолетов он не встретил и благополучно приземлился.

Техники сняли фотокассеты, передали их на обработку, и Павел стал готовить машину к очередному вылету. Борис расстелил под крылом самолета чехол, свернулся калачиком. Задание выполнено. Эскадрилья истребителей ушла на прикрытие поля боя, и он мог рассчитывать на короткий отдых.

Но отдохнуть не пришлось. Только задремал, как услышал голос адъютанта эскадрильи:

— Ковзан! Тревога! Вылетай на перехват в район Вин.

Борис вскочил, во мгновение ока очутился в кабине, запустил мотор и тотчас врезался в синеву неба. По радио получил подтверждение приказа:

— Иди на Вины!

Спустя несколько минут он был уже в заданном районе. Только стал осматриваться в поисках противника, как прямо перед собой увидел семь «Юнкерсов-88», которые шли курсом на наш аэродром.

Семь... Ну что ж, немногим больше, чем досталось на долю Ивана Мотуза. Накануне летчики праздновали Иванов день рождения, и, конечно же, не обошлось без разговоров о неравном бое, который провел именинник несколькими днями раньше.

...Иван Мотуз с ведомым вылетели на задание. Но самолет ведомого оказался неисправным, и Мотуз отправил его обратно, на посадку, а сам остался в воздухе. Когда набрал высоту, увидел четыре вражеских истребителя, которые вот так же держали курс на наш аэродром. Оценив обстановку, Иван с ходу атаковал их. Фашистские летчики поначалу растерялись, стали строиться в оборонительный круг, но когда увидели, что перед ними один-единственный самолет, обрушились на него всей четверкой. Все же Иван успел зайти одному из «мессеров» в хвост и с первой же очереди поджег его. Но сам был ранен.

— Осколком снаряда задело,— рассказывал именинник.— Чую, могу еще драться. Чтобы обеспечить себе преимущество, пришлось маневрировать с высотой. Когда поднялся выше «мессеров», осмотрел кабину: нет ли повреждений? Машина была исправна. Значит, надо атаковать. Ранен — не ранен, а надо. А те, шельмецы, ловкие оказались, только маневрами и спасался, уходил из-под огня...

— Слыхали? — обратился Борис к друзьям-однополчанам.— А он молчит, скромничает. Да ты же, Ваня, ас первого класса!

— Да что хвастаться. Так трудно было, что хоть плачь,— вздохнул Мотуз.— Где-то на двадцать пятой минуте боя фашисты вытянулись в цепочку и давай атаковать меня по очереди. Рана кровоточит, сердце отчего-то заболело... Но тут я еще одного сшиб — везение просто. Вижу, замешательство у них. Я, конечно, воспользовался этим и взял курс на свой аэродром. Они — в пикирование и снова на меня. Делаю маневр — проскочили. А потом и вовсе убрались восвояси: горючее, видать, было на исходе...

— И не страшно — одному против четырех? — спросил кто-то из молодых летчиков.

— Так они же на наш аэродром шли! — с искренним недоумением ответил Иван Мотуз.

И вот теперь уже семерка фашистских бомбардировщиков держит курс на наш аэродром. Ребята в опасности. Борис без раздумий отжимает ручку от себя, переходит в пикирование и атакует противника. Стрелки́ с «юнкерсов» открывают ответный огонь. Но строй вражеских самолетов уже расколот. Борис проскакивает под бомбардировщиками, выводит машину из пикирования и тут вдруг видит: вслед за «юнкерсами» идет шестерка истребителей «Мессершмитт-109-ф».

«Вот это да! — мелькнуло в голове у Бориса.— Тринадцать. Чертова дюжина... Схватка будет не на жизнь, а на смерть.— Следующая мысль заставила его через силу улыбнуться: — Да что я, суеверный, что ли? Чертова так чертова...»

Фашисты не ждут. Заметив советский самолет, пара «мессеров» сразу переходит в атаку. Борис развернулся и открыл огонь по одному из атакующих истребителей. Тот не принял боя, взмыл вверх. Теперь вот на тот, отколотый бомбардировщик! Все смешалось, перепуталось в огненном клубке. Фашистам, скорее всего, и в голову не приходило, что они ведут бой против одного советского истребителя. «Юнкерсы» стали беспорядочно сбрасывать бомбы, некоторые ложились на обратный курс.

Борис крутился как белка в колесе. То атаковал бомбардировщики, то отсекал от себя «мессеров», вступал в бой то с одной, то с другой группой, понимая, что именно эта карусель, в которой не успеваешь разобрать, где свой, где противник, дает ему какие-то преимущества.

Все же один «мессер» сумел зайти в хвост «ястребку». Заметив опасность, Борис мгновенно бросил машину на крыло, сделал «полубочку» и, повиснув на ремнях в перевернутом положении, резко убрал газ. Фашист не ожидал такого маневра, вхолостую проскочил над перевернутой машиной Ковзана. Но в это время второй фашистский истребитель пошел в лобовую атаку. Выводить машину в нормальное положение поздно. Что ж, можно вести огонь

и повиснув вниз головой. Да не какой-нибудь огонь, а прицельный: самолет противника качнулся с крыла на крыло, клюнул носом и косой молнией понесся к земле. Борис успел заметить, что летчик выбросился с парашютом.

Теперь очередь за первым бомбардировщиком. Борис берет ручку на себя — машина переходит на нос, затем в пикирование. Выйти из пикирования, сделать боевой разворот и атаковать упрямца, сбить его с курса. Удалось! «Юнкерс» швыряет бомбы в белый свет как в копеечку и поворачивает на запад. Так ни один бомбардировщик и не прорвался к нашему аэродрому, ни одна бомба не попала в цель.

Но бой с «мессерами» продолжается. Боеприпасы на исходе, надо, отбиваясь, уходить к своему аэродрому. И опять удача: зенитные батареи, прикрывающие аэродром, мощным огнем отсекают самолеты противника от машины Бориса. На помощь ему взлетают наши истребители, и фашисты спешат унести ноги.

Воздушный бой Бориса Ковзана против тринадцати фашистских самолетов длился сорок пять минут. Летчики знают, что это значит. Но самое удивительное было то, что когда Борис в мокрой от пота гимнастерке, на неразгибающихся ногах обошел машину, он не обнаружил на ней ни одной пробоины. Теперь уже можно было шутить от души:

— Будут знать, как летать чертовой дюжиной. И как только они друг дружку не посбивали?..

Борис в который раз подумал, как много в жизни летчика-истребителя зависит от случая. Ведь четыре воздушных тарана (будет еще и четвертый!) — это четыре верных возможности распрощаться с жизнью. Бой в одиночку с тринадцатью самолетами врага тоже оставляет мало шансов на спасение. Но тут все же большую роль играет летное мастерство, выдержка, умение владеть собой. А сколько раз спасал Бориса поистине слепой, но счастливый случай!

Как-то еще весной, в апреле, Борис в паре со старшим лейтенантом Василием Чедушным вылетел на свободную охоту в район Старой Руссы, где базировалась истребительная авиация гитлеровцев: с некоторых пор наши стали использовать тактику противника, которая нередко приносила успех.

На высоте две тысячи четыреста метров пролетели над реками Ловать и Пола, вышли к озеру Ильмень, взяли курс на Старую Руссу. Летели разорванным фронтом, поддерживая между собою связь по радио. Не заметили, что, держась за облаками, их преследовали два фашистских охотника.

В какой-то момент Ковзану показалось, будто в бронеспинку сыпанули горсть гороху. Быстро обернулся и увидел: вражеский истребитель сделал «горку» и ушел в облака. Едва успел подумать, что бронеспинка его спасла, как заметил: ручка управления болтается в руках. Скорее всего перебит трос. Досадная и в данной обстановке почти гибельная случайность. Неуправляемая машина перешла на нос, все попытки вывести ее из пикирования были тщетны. А под крылом — Ильмень, по воде плывут льдины. И все же ничего не остается — надо прыгать. Отстегнул привязные ремни, сорвал фонарь и стал выбираться из самолета. Нелегкое это дело — выбраться из падающей машины, когда тебя со страшной силой прижимает к бронеспинке. Но все обошлось. Падал, не раскрывая парашюта, чтобы не задеть собственный самолет и не попасть под обстрел вражеских истребителей. Дернул кольцо, когда до воды оставалось метров триста. В первую секунду, как только над ним распахнулся купол парашюта, ощутил радость и облегчение, но тут же его обдало холодом — совсем близко увидел темную воду с плывущими по ней ослепительно белыми льдинами.

Борис знал, что в случае приводнения важно успеть заранее освободиться от всей парашютной системы. Отстег-

нул грудной замок, затем — ножные лямки и повис, держась руками за стропы. В метре от воды разжал руки...

Плавал Борис хорошо — научили Гайна и Березина, одет был сравнительно легко — кожаная куртка да сапоги, а до берега всего метров 150. «Доплыву»,— решил он, однако через несколько секунд одежда промокла, а тут еще то ли от холода, то ли от нервного напряжения судорога стала сводить правую ногу: сведет и отпустит, сведет и отпустит. В какой-то момент не отпустила, и тогда Борис в отчаянии попытался измерить глубину. Это было уже просто везение: ноги коснулись дна. На цыпочках, загребая руками, медленно двинулся к берегу. Почему-то не думалось ни о том, что он на вражеской территории, ни о том, что его парашют могли заметить фашисты и уже готовят встречу. Даже когда выбрался на берег, мечтал лишь об одном: закурить. Похлопал по карманам куртки, где у него лежали папиросы и спички, и безнадежно махнул рукой...

Потом был долгий путь по болотам, переправа где вброд, где вплавь через две реки. Ловать запомнилась тем, что под водой много раз натыкался на что-то мягкое, уходившее из-под ног. С ужасом понял: трупы. Зимой в этих местах шли ожесточенные бои, копать промерзшую землю было трудно, и фашисты, в первые месяцы войны с такими почестями хоронившие своих убитых, просто спускали трупы под лед.

Борис не раз летал над этим районом, направление с самого начала выбрал верно, рассчитал так, чтобы самые опасные места пройти в темноте. И вот он уже подходит к переднему краю нашей обороны: издалека видны желтые брустверы окопов. Идет из последних сил, не слышит, о чем ему кричат наши бойцы, не понимает, чего они машут руками. Хорошо уже то, что с немецкой стороны обстрела нет. Спят, что ли? Присесть бы, перевести дух. Нельзя: замерзнешь в два счета, растеряешь все тепло, что скопил, пока шел болотами. И он бредет дальше... Первое, о чем

попросил, когда свалился наконец в траншею, было: «Пить!» Ни из Полы, ни из Ловати он не позволил себе сделать ни глотка — при одной мысли об этом подкатывала тошнота.

И только когда напился, до него дошло, о чем говорят подбежавшие к нему солдаты и лейтенант:

— Ну, хлопец, твое счастье... Тут же и у нас, и у фрицев мин понатыкано!.. Вроде и ступить негде, а ты прошел...

Второй случай связан с собачонкой по кличке Дутик. Ее подобрал где-то Паша Стадник, принес в эскадрилью и подарил Борису на день рождения. Вообще, когда часть долго стоит на одном месте, каждое подразделение старается обзавестись какой-нибудь живностью, будь то собака, кошка или, скажем, прирученный грач. Они вносили в суровую военную жизнь какое-то мирное тепло, домашний уют.

Дутика любили все, и он платил летчикам той же монетой, никому не отдавая предпочтения, не выделяя даже Бориса Ковзана — своего «официального» хозяина. Не зря говорят, что дворняги — а Дутик был именно из этой благородной породы — самые умные собаки. Когда пилоты шумной гурьбой шли к штабу после удачного вылета, Дутик встречал их радостным повизгиваньем; когда же кто-то не возвращался, он становился понурым, хвост его волочился по земле. Была у него и еще одна особенность: вражеские самолеты он по гулу безошибочно отличал от наших. Когда за облаками появлялся немецкий бомбардировщик, Дутик реагировал немедленно: поджав хвост, с визгом мчался к щели. Кто-то в шутку прозвал его «звукоуловителем».

Однажды после очередного вылета летчики отдыхали на поляне, недалеко от стоянки замаскированных самолетов. Здесь же вертелся Дутик: гонялся за пчелами, забавно — одно ухо вверх, другое вниз — прислушивался к стрекотавшим в траве кузнечикам. Вдруг замер, навострил оба

уха, беспокойно заворчал. Поначалу никто не обратил на это внимания. Тогда Дутик подскочил к Николаю Полякову, вцепился зубами ему в гимнастерку, хотел потащить за собой. Тот отмахнулся, как от мухи. Борис Ковзан, когда Дутик стал теребить его за рукав, взял пса на колени, погладил. Но тот не отвечал на ласку — скулил, ворчал, оскаливал зубы. Потом переменил тактику: пробежит несколько метров к кустам и — назад.

Летчики, зная отменный слух Дутика, прервали обсуждение недавнего боя, насторожились. Командир эскадрильи первым услыхал отдаленный прерывистый гул, который быстро приближался.

— По щелям! В укрытия! — скомандовал он.

Едва успели попрыгать в щели, как из облака вывалился «Юнкерс-88», завизжали бомбы... Тяжелая бомба разорвалась почти в центре поляны, где только что сидели почти все пилоты эскадрильи.

Такой вот случай...

«ОТЛЕТАЛСЯ СОКОЛ...»

Рев самолетов обрушился на землю с такой силой, будто в тихий, дремотный августовский полдень ворвался ураган. Казалось, всколыхнулись, загудели под его напором вековые боры, вздрогнули и стали оседать на трясинных болотах кочки; вспенились и вышли из берегов спокойные северные озера Ильмень и Вершинское, реки Ловать и Пола; покачнулись древние замшелые валуны...

Худощавый, со шрамом во всю правую щеку пожилой сержант вскочил на ноги, словно по тревоге, взметнул в небо автомат и дал длинную очередь.

— Да что ж это такое творится! Пятеро на одного!..

Из глубокой землянки, вырытой меж камней на краю болота, выбежали парни и девушки в защитных гимнастерках и тоже стали неотрывно смотреть в небо...

Неравный бой, казалось, шел к развязке. Советский истребитель ЯК-1 пылал как факел, волоча по белоснежному облаку черный шлейф дыма, а пять «Мессершмиттов-109-ф», словно коршуны, преследовали обреченного на гибель.

— Да что ж они, изверги! — чуть не плача, выкрикнул сержант.— Неужто и горящего не пощадят?!

Нет, фашисты не щадили никого. Два немецких истребителя справа и два слева, как в зловещем эскорте, сопровождали советский самолет, а пятый появился впереди «ястребка» и пошел в лобовую атаку, поливая его из пулеметов.

Но охваченный пламенем самолет продолжал лететь по прямой, даже яростный огонь прямо в упор не заставил его свернуть с курса. Расстояние между самолетами стремительно сокращалось. «Ястребок» шел на врага лоб в лоб. Еще секунда — и они столкнутся на полной скорости. Неужели наш уступит дорогу? Нет, не выдержали, сдали нервы фашистского летчика: он отвернул, пошел вверх.

— Струсил, шкура!

Но едва фашистский самолет задрал нос, пытаясь уйти от боя, скрыться в облаках, пылающий советский истребитель врезался ему в брюхо. Раздался громовой удар, на землю полетели горящие обломки двух машин, четверка «мессеров», преследовавшая советскую машину, бросилась в стороны.

— Вот это да! — воскликнул сержант, обнимая первого, кто стоял с ним рядом.— Вот это по-нашенски!

На глазах у девушек показались слезы.

— Погиб!.. Сгорел!..

— Нет, смотрите, с парашютом выбросился!

С замиранием сердца следили наши люди, как маленькая фигурка, отделившаяся от огненных обломков, камнем полетела вниз. Девушки в ужасе закрыли лица руками.

— Почему же не раскрывается парашют?

— Неужели убит?!

Высота не больше трехсот метров. Считанные мгновенья до встречи с землей. И тут, почти над самыми верхушками деревьев, вспыхнул купол парашюта, и летчика не стало видно.

— Скорей, братцы, скорей! — крикнул сержант и бросился в болото, утопая кирзачами в жидком торфяном месиве. За ним поспешили остальные.

Не без труда, за стропы парашюта, вытащили летчика: смягчив удар, трясина по грудь засосала его. Принесли в землянку. Голова в крови, лицо обгорело, вся одежда в копоти и болотной тине. Дышал летчик редко, прерывисто. На вопросы не отвечал.

Разрезали сапоги, распахнули комбинезон, разорвали гимнастерку. Оказали первую помощь: перевязали голову и ввели противостолбнячную сыворотку.

Летчик по-прежнему был неподвижен и безмолвен. На груди его сверкал орден Ленина. Из кармана достали карточку кандидата в члены партии, удостоверение личности.

— Ковзан... Борис Иванович... Тот самый...

Конечно же, и в наземных частях знали о подвигах Бориса Ковзана. Срочно связались по радио с аэродромом, и вскоре над местом падения Бориса уже кружил У-2. Он сел почти возле самой землянки. Летчик Николай Куликов сразу узнал товарища.

— Скорее в самолет!

Спустя несколько минут У-2 с короткой пробежки ушел в небо.

— Да-а...— покачал головой видавший виды сержант.— А я-то представлял себе Ковзана этаким богатырем. А он самый обычный, даже маленький, вроде меня... Но как дрался! Сокол, настоящий сокол! — И тут он первым произнес эти горькие слова: — Отлетался сокол...

Очнулся Борис только на третьи сутки далеко от фронта, в Москве.

Осмотрелся: белые стены, белый потолок, девушки в белых халатах. Значит, снова в госпитале. Все понятно: не двигаются загипсованные руки и ноги, на голове повязка, правый глаз под бинтом. Ему ли не знать, что это значит. И все же не удержался, спросил у склонившейся над ним девушки:

— Где я, сестричка?

Худенькая миловидная медсестра с усилием улыбнулась:

— В Москве, в Тимирязевской академии. Теперь здесь госпиталь.

— А скажи, милая, что же со мною такое стряслось? С чего это я в госпиталь угодил?

У девушки отлегло от сердца: она знала, что раненые, которые не теряют присутствия духа, легче выкарабкиваются из самых безнадежных положений.

— Да ничего особенного. Обычное ранение.

— А все же, сестричка?

Медсестра поняла, что этому летчику нужна только правда, как бы тяжела и горька она ни была. Оглянувшись по сторонам — нет ли кого? — девушка горячо зашептала:

— Задеты ноги, руки... Повреждена ключица... И голова... Но это все пройдет. У нас врачи хорошие, вылечат... Вот только летать...

Она не успела договорить: в палату вошел высокий седой врач в очках с пожилой медсестрой. Девушка отшатнулась от койки, будто ее поймали с поличным, но заметила, что раненый все слышал и понял.

Врач подошел к Борису, пощупал пульс, спросил о самочувствии. Затем снял повязку с правого глаза, прикрыл ладонью левый.

— Прошу смотреть на меня. Что вы видите?

— Ничего не вижу,— упавшим голосом ответил Борис.

Внимательно, через лупу врач осмотрел правый глаз Бориса, покачал головой.

— Да-а, дело серьезное, Борис Иванович... Надо спасать зрение. Срочно в глазную больницу!

Борис остался один. Вечерело. За окном в лучах угасающего солнца золотились молодые березки — как там, на аэродроме. Но Борис отметил это вскользь, механически. Он отвернулся к стене, уткнулся головой в подушку. Из всего услышанного память выделяла две фразы: «Надо спасать зрение» — врача и недоговоренное медсестрой: «Но летать...» Эти фразы, связанные воедино, рождали тревогу.

Долго маяться в одиночестве не пришлось. Снова появились медсестры, помогли встать, одеться, на носилках вынесли из госпиталя, усадили в легковую автомашину. Борис прильнул к боковому стеклу.

Москва... Словно в тумане проплывали знакомые и незнакомые улицы. Борис знал Москву больше по рассказам Коли Полякова. А сам был здесь один-единственный раз, проездом из училища домой, в отпуск. Запомнились Красная площадь, улица Горького, по которой шел к Белорусскому вокзалу. Стояла такая же пора позднего лета, Москва бурлила, кипела многолюдьем. Сейчас она иная: строгая, деловитая, собранная. Девушки в военном... Где их нарядные пестрые платья? Многие окна забиты фанерой, из форточек дымят самоварные трубы. На бульварах и в скверах стоят зачехленные зенитки, огромные, похожие на китов, аэростаты воздушного заграждения — стерегут московское небо. Не потому ли и разрушений немного?.. Еще в госпитале говорили, что редкому стервятнику удается прорваться к Москве. В первые месяцы войны гонялись за каждой обозной фурой, за пастушком в поле, а тут огромный город, ан не дотянешься — руки коротки.

Борис вдруг ощутил, насколько он оторван от жизни страны: вот уже второй год аэродромы, госпиталь, опять аэродромы... И ты прикован к самолету, который в любую минуту готов взлететь. Газеты, радио, политбеседы — это

хорошо, но куда лучше увидеть жизнь вблизи, пусть даже вполглаза. А то ведь кончится война, вырастет новое поколение, и тебе нечего будет рассказать сыну или внуку, кроме того, что записано в летной книжке: совершено столько-то вылетов, столько-то сбито самолетов противника...

Борис жадно вглядывался в проплывающие за окном здания, силился разглядеть лица прохожих: что на них, какие чувства, насколько они изменились?

— Эх, елки-палки! — Рука сама потянулась к повязке, закрывающей глаз. Казалось, освободись он от повязки — и мираж рассеется, Москва предстанет прежней, той, что живет в памяти.

— Что с вами, Борис Иванович?! — испуганно вскрикнула медсестра и крепко — откуда только силы взялись? — повисла на его руке.

— Свербит,— смущенно ответил Борис.

Улица Горького... Знакомые площади, виадук возле Белорусского вокзала... Как будто шофер специально решил показать памятные Борису места. Но вот машина свернула с магистрали в переулок и затормозила у большого каменного особняка — солидного, старинной архитектуры.

— Приехали,— сказал пожилой шофер в полувоенной форме. Он вышел из машины, поднялся в дом и спустя минуту-другую возвратился в сопровождении двух женщин в белых халатах, с носилками. Увидев носилки, Борис подумал: «Нет уж, там они меня застали врасплох, а тут — сам!» Выскользнул из машины — сидевшая с ним рядом медсестра не успела даже глазом моргнуть — и, припадая на обе ноги, стал подниматься по ступенькам. Но на четвертой или пятой ступеньке ноги у Бориса подкосились и он стал валиться назад...

Очнулся утром. Августовское солнце заливало палату, белизна стен и потолка резала глаз. Осмотрелся. Три койки. Одна, напротив, свободная. На ближней, изголовьем

к изголовью, лежит раненый. Познакомились: Васильев, капитан из кавалерийского полка. У него перелом ноги и повреждение обоих глаз.

— Эх, Борис, и надоело же тут! — не то простонал, не то вздохнул Васильев.— С ума сойти впору. Уж выписывали бы, что ли. На воле, глядишь, быстрее приду в норму. Да и кормят, знаешь, лишь бы наш брат ноги не протянул...

Борис в первые дни с некоторой даже неприязнью относился к унылым речам капитана, думал про себя: «Вот еще нытик на мою голову». Но вскоре он простил Васильеву его меланхолию. Лежишь на скрипучей, намозолившей бока койке сутки, вторые, лежишь неделю, и неизвестно — сколько еще лежать, все становится постылым: и белые стены, и белые простыни, и белые халаты...

Впрочем, нет. К белым халатам он чувствовал лишь благодарность. Взять хотя бы Анну Ивановну Костикову, которая поистине заменила Борису мать. И не только Борису... Но, пожалуй, о нем Анна Ивановна заботилась все-таки больше, чем о других. Он напоминал ей старшего сына, работавшего на авиационном заводе на Волге: одногодки, и росточка одного, и с лица вроде схожи.

— Вот так и воюете, сынки: он строит самолеты, а тебе летать на них...— Анна Ивановна запоздало спохватилась, что затронула самую волнующую тему, но выручило радио — начали передавать сообщения с фронтов. А дальше события развернулись так, что ее обмолвка и вовсе забылась. Где-то на середине передачи молоденькая медсестра ввела в палату широкоплечего коренастого парня. Глаза его закрывала повязка. Опираясь одной рукой на плечо медсестры, а другую выбросив вперед, он вдруг замер в этой напряженной позе: диктор назвал фамилию Ковзана. Сообщалось о новом подвиге летчика-истребителя, совершенном 13-го августа. Борис не видел вошедшего, лишь слышал его голос:

— Ай да Борька! Ай да молодец! Четвертый таран!

Да вы ведь не знаете, это Борис Ковзан, из нашего полка...

— Так уж и не знаем,— с улыбкой поднялась навстречу парню Анна Ивановна.— Это ты не знаешь, что Борис здесь, в трех шагах от тебя.

И опять она совершила оплошность: от неожиданности парень не совладал с собою, резким движением сорвал повязку, повел глазами по палате:

— Где? Где Борис?

И вдруг пошатнулся. Медсестра и Анна Ивановна подхватили его под руки, усадили на койку в ногах Бориса. Тот уже узнал товарища по голосу, сел, крепко обнял его за плечи. Это был техник по вооружению из их авиаполка.

— Баскаков! Николай!

— Борька! Борис Иванович! — Техник на ощупь нашел руку Бориса, крепко ее сжал.— Вот где судьба свела! Даже не верится...

С появлением в палате однополчанина Борис воспрянул духом, хотя его собственное состояние и не внушало особых надежд. Воспоминания о друзьях, разговоры о событиях на фронте разгоняли госпитальную скуку, и, кажется, быстрее летели дни, отодвигались на время мысли о будущем.

Профессор Николай Николаевич Иванов, вооружившись очками, линзами, при свете мощной лампы, лучи которой, казалось, пронзали голову насквозь, долго и сосредоточенно изучал поврежденный глаз. Чем дальше — тем больше хмурился. Потом долго-долго что-то писал в медицинской карточке Бориса. Кончив писать, поднял голову и, глядя куда-то в сторону, заговорил:

— Такие дела... Должен вас, молодой человек, огорчить. Тонкий осколок стекла прошел в глазное яблоко и его студенистое тело... Началось вытекание глаза...

Борис был готов к самому страшному, но тут почувствовал, что внутри у него все похолодело.

— И ничего нельзя сделать, профессор?

— Положение безнадежное,— твердо ответил тот, словно призывая Бориса к мужеству.— Глаз видеть не будет, зрение потеряно, но хуже всего, что может начаться воспалительный процесс, в результате которого не исключены крайне нежелательные осложнения и для левого глаза. Поврежденный глаз придется удалять.— Тут профессор не выдержал взятого тона.— Тяжело, брат, очень тяжело, я тебя понимаю... Двадцать лет... Но что делать? Другого выхода я не вижу. Принимай решение сам...

— Дайте зеркало,— попросил Борис.— Уже сколько дней не видел самого себя.

Анна Ивановна выступила из темноты, где до сих пор безмолвно дожидалась профессорского приговора, достала из кармана халата небольшое зеркальце, подала его Борису. Мельком глянув на свой правый глаз, он бросил зеркальце на стол.

— Что ж, доктор, я вам доверяю. Как вы решите, так и будет.

Профессор не искал слов утешения, знал — любые слова здесь бессильны.

— Сегодня же соберем консилиум... на всякий случай,— глухо проговорил он, накладывая повязку.

Консилиум профессоров и опытных врачей-окулистов пришел к тому же неутешительному выводу, что и Николай Николаевич Иванов. Несмотря на принятые в процессе лечения самые экстренные и радикальные меры, приостановить вытекание студенистого тела и воспалительный процесс не удалось. Боли усилились, глаз начал сужаться. Дальнейшее промедление грозило потерей и второго глаза.

Борис вынужден был согласиться на операцию.

Это были дни, полные тоски и отчаянья. Товарищи, врачи, медицинские сестры окружили его заботой и вниманием, но Борис ни в чем не находил утешения. Никогда он не был таким мрачным, угрюмым. «Отлетался сокол...» — эти слова, ненароком оброненные кем-то в коридоре, повсюду преследовали его.

Не давала покоя и мысль о Наде. Он уже принял решение сразу после выписки ехать в Елец. А вдруг она не примет, откажется? Куда же тогда? Родные где-то в Бобруйске... Живы ли они?

После долгих колебаний Борис написал наконец Наде, рассказал о своем состоянии, ничего не утаивая и не приукрашивая. Да и что было приукрашивать: в основном он уже оправился от ран, вот только глаз...

Вскоре пришло письмо из Ельца. Борис долго не решался распечатать конверт. Когда же отважился и прочитал письмо, тревога сменилась радостью.

— Все, ребята, еду в Елец! — воскликнул он.

— Значит, решено дело? — спросил Баскаков.

— Да ты послушай, что Надя пишет: «Приезжай в любое время. Я и мама будем рады».

С этого дня Бориса словно подменили, он стал веселым, разговорчивым. Окончательно зажили раны, да и внешне изменился: на месте красной, зияющей раны появился глаз. Пусть искусственный, стеклянный, но все же глаз, и Борис радовался ему, как мальчишка, то и дело подходил к зеркалу.

И еще одно важное событие произошло в жизни Бориса: вместе с группой летчиков его вызвали в Кремль. Там Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Боевого Красного Знамени.

И вот наконец день выписки из госпиталя. С утра Борис пошел в магазин военторга: хотелось что-то подарить Наде. Когда вернулся, в палате кроме Баскакова и Васильева застал профессора Николая Николаевича и Анну Ивановну. Обрадовался: им он тоже принес сувениры, тепло распрощался с обоими.

Борис упаковал чемодан, расцеловался с друзьями, присел, как положено перед дорогой, на свою койку, на которой отлежал полтора месяца. Встал.

— До свидания, ребята. Не поминайте лихом и поправляйтесь скорее...

«ОТЛЕТАЛСЯ? КАК БЫ НЕ ТАК!..»

За окном вагона проплывали золотые леса и рощи, поля, уставленные скирдами, синие реки и пруды. В окно врывался свежий бодрящий ветер.

И как больно было видеть страшные следы разрушений и разбоя, которые хранили еще многие города, села, станции и полустанки. Груды развалин, дома без окон и крыш, сожженные и вырубленные сады... С высоты, подумал Борис, все это выглядит не так удручающе... Снова навалились думы, которые не отпускали его ни на минуту: доведется ли еще подняться в воздух, до конца свести счеты с врагом? Нет, он рожден для неба. Он еще увидит замаскированный на стоянке «ястребок», спешащего навстречу Пашу Стадника, большого шумного Колю Полякова...

Борис проснулся, когда уже светало. Взглянул на часы и бросился к окну. Поезд, на удивление, подходил к Ельцу точно по расписанию...

С вокзала — прямо в Черную Слободу, где жила Надя. Город еще только пробуждался, над булыжной мостовой, над домами и заборами поднимался туман. Забыв даже постучаться, вошел в дом. Евдокия Николаевна уже хлопотала возле печки.

— Борис! — вскрикнула она, подбежала, обняла со слезами на глазах.— Живой, здоровый...

Надя спала после дежурства, и Борис попросил не будить ее, но она проснулась сама. Первые несколько минут оба чувствовали себя скованно, и Евдокия Николаевна поспешила усадить их за стол.

Борис стал расспрашивать о Ельце, о том, как они, мать и дочь, пережили лихолетье.

— Да что про нас толковать,— махнула рукой Евдокия Николаевна.— Рады, что уцелели. Да Надя тебе, поди, писала... И сейчас житье известно какое, не до жиру. Ты-то

как? Видели твой портрет в газете... Где-то он у Нади и сейчас хранится.

Надя принесла вырезанные из «Комсомольской правды» портрет Бориса и фотоплакат: в одном углу знаменитый Нестеров, первым в мире совершивший воздушный таран в сентябре 1914 года, в другом — Борис Ковзан.

Настала очередь Бориса рассказывать о себе.

— Все помню,— говорил он,— а как в последний раз попал в госпиталь — темная ночь. Будто на том свете побывал.

— Отчаянный ты,— вздохнула Надя.

— В бою о себе некогда думать. Думаешь о противнике: как бы его сбить?

— А он — как бы тебя...

— На то и бой,— улыбнулся Борис.— В последний раз как было... Выполнили боевое задание, возвращаемся на аэродром. А тут нас, четверку, возьми да перехвати шестерка «мессеров»... ну, «мессершмиттов», значит. Принимаем бой. Один самолет мы сбили, и наш один был подбит. Меня отрезали и набросились впятером. Подожгли. В кабине дым, пламя, дышать нечем... Открыл фонарь. Вижу, четыре «мессера» жмут на меня с боков, а пятый зашел спереди в лобовую атаку. Я вызвал помощь с аэродрома, но было уже поздно...

— Страсти-то какие! — У Евдокии Николаевны на глазах стояли слезы.— Пятеро на одного!..

— Да... Уж который там угодил, не знаю, только чувствую — удар в голову. Хвать рукой за лицо: кровь и что-то белое... Потом понял: пули срезали фарфоровую чашку шлемофона и осколки смешались с кровью. Один осколок в щеку, другой в глаз. Ничего не вижу, боль адская... «Все, думаю, конец». Ну и решил: погибать, так с музыкой. Собрал последние силы и — прямо на «мессера», в брюхо ему...

— Страсти-то какие! — повторила Евдокия Николаевна, всхлипывая.

Надя слушала не шелохнувшись.

«И верно, страсти»,— одернул себя Борис и продолжал уже в другом тоне, будто докладывал начальству:

— От сильного удара лопнули привязные ремни, и меня, словно катапультой, выбросило из груды падающих обломков. Потерял сознание. Очнулся, видно, от быстрого падения. Гляжу, земля совсем рядом. Вырвал вытяжное кольцо, жду: успеет ли раскрыться парашют? Парашют сработал, а тут и земля, трясина... И все. Очнулся только в Москве, в госпитале. Ну, а остальное вы знаете. Пугают, что летать больше не смогу. А я думаю, на покой еще рано, еще полетаю...

— Да что ты! — всплеснула руками Евдокия Николаевна.— Один за пятерых воевал. Можно и отдохнуть, о себе позаботиться. И ордена вон у тебя, и слава...— Она кивнула на газетные вырезки, которые Надя прижимала к груди.

Борис промолчал: зачем прежде времени тревожить этих, ставших ему близкими, людей?

Через несколько дней справили скромную свадьбу. Пожил Борис еще немного в доме Евдокии Николевны и затосковал. Да так, что невмоготу стало, стыд жег от мысли, что товарищи где-то воюют, бьют врага, а он отсиживается в тылу. Решил: пора ехать в свою часть.

Евдокия Николаевна уже смирилась с мыслью, что не удержит зятя, и только уговаривала пожить еще немного в Ельце, набраться сил. Не помогло. Еще больше она опечалилась, когда узнала, что Надя едет вместе с Борисом.

Недолгие сборы — и опять дорога...

К месту назначения прибыли ночью. Тьма непроглядная, дождь. Попрощались с машинистом и, с трудом вытаскивая ноги из грязи, побрели в сторону аэродрома. По пути Борис вспомнил: здесь, на окраине станционного поселка, живут укладчицы парашютов. У небольшого домика он остановился, постучал в окно. Дверь открыли девушки в

защитных гимнастерках с голубыми петлицами. Они сразу узнали Бориса, пригласили войти.

— Я не один — с женой.

— И жене место найдется.

Девушки нагрели воды, дали Борису и Наде смыть с себя паровозную копоть, напоили чаем. Все было хорошо, только разговор почему-то не клеился. «Нади стесняются или недовольны, что их подняли среди ночи? — размышлял Борис.— Нет, тут что-то другое».

— Что? — напрямик спросил он у старшей, с двумя треугольничками на петлицах.

— Николай...— одними губами произнесла та.

Кто в части не знал, что Николай Поляков и Борис Ковзан — закадычные друзья!

Борис только скрипнул зубами, промолчал. Не стал даже спрашивать: где, когда, как? Какое это имеет значение! Коля погиб... Тот самый Коля-Николай, который, как и Борис, все не мог дождаться освобождения Бобруйска: «В тот раз Гитлер нам помешал, а тут уж обязательно смотаемся к твоим старикам. И на танцы сходим».

Надя тоже примолкла: и дома, и в дороге Борис только и говорил о предстоящей встрече с Николаем, обещал в первый же день их познакомить: «Вот увидишь, что это за парень!»

Наутро о возвращении Ковзана знала вся часть. Встреча была теплой и радостной.

— Куда же ты теперь? — после первых слов приветствия спросил командир дивизии Семен Яковлевич Симоненко.— В БАО пойдешь?

— А что это, товарищ полковник, такое?

— Ну... батальон аэродромного обслуживания.— И тут же рассмеялся.— А, черт, будто сам не знаешь!

— Нет, только на самолет.

— Тогда нужно разрешение Москвы...

Павел Стадник и огорчался за Бориса, и пробовал его утешать:

— Радовался бы, что жив остался. В таком таране уцелеть... Да это же небывалый случай! — Редко он говорил сразу столько слов.

— Вот уцелел, видишь,— вздохнул Борис.— И обидно, что не доверяют машину, предлагают в БАО.

— А что поделаешь?

— Эх, Паша, неужто ты не понимаешь, как тяжело в мои годы жить с подрезанными крыльями. И главное, я чувствую, я уверен, что смогу по-прежнему летать и драться на истребителе. Не доверяют...

Борис подошел к самолету, забрался в кабину, окинул взглядом летное поле, приборы, подержался за ручку. Вылез и уже куда веселее сказал:

— Отлетался, говорят. Как бы не так! Буду, Паша, летать, поверь моему слову. Еще вместе поработаем, дадим прикурить фашистам. И за Колю Полякова отомстим, втройне заплатят...— Помолчал. Потом заторопился: — Пойду в штаб, может, все-таки передумают, разрешат. А нет — поеду в Москву. Так что не прощаюсь. Добьюсь разрешения и снова приеду. Ну а ты-то как, будешь работать со мной?

— Что за разговор?! Желаю удачи!..

СКОРО ОПЯТЬ В ВОЗДУХ!

Через месяц Ковзана вызвали в Москву, в отдел кадров штаба Военно-Воздушных Сил.

Борис был невесел: в который раз доводится прощаться с товарищами, с боевыми друзьями. Надолго ли? Возможно — навсегда. Даже если все сойдет хорошо, могут заслать куда-нибудь в другую часть. А если и вернется, всех ли он застанет в живых?

Борис побывал на заснеженном кладбище летчиков. Сколько там знакомых могил! Отважный летчик Тимур Фрунзе, сын прославленного полководца гражданской вой-

ны, одного из тех, кто создавал и пестовал Красную Армию. Командир соседнего полка Ожередов, комиссар Чепчаха, летчики Василий Лифанов, Константин Ануфриев и еще многие-многие. И — Коля Поляков. Борис словно наяву увидел его улыбающееся лицо, услыхал его любимую песню: «В далекий край товарищ улетает...» Когда-то эта песня порядком надоела, набила оскомину, но теперь всегда, услышав ее, Борис будет вспоминать своего друга...

Прямо с Ленинградского вокзала отправились к Анне Ивановне Костиковой. Еще в госпитале она дала Борису свой адрес: «Будешь в Москве — заходи».

Анна Ивановна встретила Бориса и Надю, как самых близких людей, не знала, куда усадить, как приветить. В Москве было голодно, и Борис первым делом принялся распаковывать свой вещмешок:

— Это, Анна Ивановна, фронтовые подарки. От всей души... И от меня, и от моих товарищей летчиков.

— А ты, Боря, куда же теперь? Наверно, на штабную работу? — неосторожно спросила Анна Ивановна.— Или преподавателем куда-нибудь пошлют...

Бориса задели ее слова, он готов был обидеться, вспылить, но сдержался.

— Вы же знаете, Анна Ивановна,— заговорил он после долгого молчания,— моя единственная мечта — летать. Да и делать-то я больше ничего не умею. Вот приехал добиваться, чтоб опять разрешили сесть в самолет. У меня ведь свой счет к фашистам...

— Это верно. Да ранение уж больно серьезное... Я-то знаю.

— И все равно буду добиваться!

На следующий день Борис поехал в отдел кадров. Там предъявил полковнику, к которому его направили, свое предписание. Полковник сквозь очки смотрел то на предписание, то на летчика.

— Что хотите делать? — буркнул он наконец.

— Хочу вернуться в строй.

— Шутить изволите? — поднял очки полковник.— Куда вам в строй? В батальон аэродромного обслуживания, дело другое. Таких, извините, как вы, к полетам не допускают, это даже ребенку понятно.

— Но я уверен, что смогу летать, товарищ полковник!

— Вы это серьезно? — Полковник протер очки и уставился на Бориса.— Кто же вам разрешит? Мы не можем рисковать вашей жизнью. С такой потерей зрения!.. Идите и подумайте, на какой работе в БАО вас лучше использовать. В крайнем случае — в штабе. Зайдете завтра...

Назавтра утром Борис снова явился к кадровику-полковнику.

— Ну что, старший лейтенант, надумали?

— Думал долго. Еще в госпитале. И нынче ночь не спал, думал.

— И что же вы решили?

— Только на самолет. Я с первого дня на фронте...

— Все мы с первого дня на фронте! — Полковник поднялся, поправил очки (почему-то очки больше всего запомнились Борису).— Придешь завтра.

И в третий раз Борис предстал перед полковником.

— Ну как?

— Все так же,— с твердой решимостью ответил Борис.— Хочу летать. А если вы не удовлетворите моей просьбы, буду обращаться по инстанции. Понадобится — дойду до командующего ВВС.

Полковник с интересом посмотрел на него, покачал головой:

— Ну и напористый... Что, разбиться хочешь? А кто за тебя отвечать будет? Сам должен понимать.— Помолчал.— А насчет командующего это ты высоко берешь. Ладно, я уже докладывал о тебе кому следует. Решение такое: поедешь на медкомиссию в госпиталь авиационной медицины.

Борис, услыхав эти слова, готов был обнять полковни-

ка. Не такой уж он сухарь, каким кажется. Тоже, наверно, не допускают к летной работе по ранению или болезни. А может, по возрасту. Вот и сидит па кадрах. Что до комиссии, то Борис почему-то был уверен: ему разрешат летать.

— Теперь все зависит от врачей,— с радостью рассказывал он Наде и Анне Ивановне.— Подпись председателя медицинской комиссии будет подписью под моей дальнейшей судьбой...

Утром Борис поехал в Сокольники, через заметенный снегом парк прошел к двухэтажному белому дому, который ему указал проходивший мимо летчик. В приемном покое предъявил документы и направление отдела кадров. Седой врач в белом халате внимательно прочитал бумаги.

— К полковнику медицинской службы Сабейникову.

Есть люди, к которым проникаешься доверием с первого взгляда, которым сразу готов рассказать о себе все — и хорошее, и дурное. Сабейников был таким человеком. Он предложил Борису сесть и сам сел рядом. Еще раз перечитал направление и стал расспрашивать Бориса, где он воевал, когда и при каких обстоятельствах был ранен, где родные, сколько лет от роду. Сама собой завязалась непринужденная беседа. Под конец Борис рассказал даже о том, как он в штабе ВВС добивался, чтобы ему разрешено было вернуться в строй.

— Три раза ходили? — рассмеялся Сабейников.— А по мне, стало быть, уже четвертый удар? Да, обидно, что со зрением у вас... Ну что ж, заполни анкету,— перешел он на «ты»,— и ступай по врачам. Когда всех обойдешь, снова встретимся. Будешь у глазного — я тебя тоже посмотрю.

— А скажите, товарищ полковник, допустят или нет?

— Не станем загадывать раньше времени. Будем надеяться. А теперь, вояка, марш на комиссию!

В приемном покое Борис надел белый халат и первым делом направился в кабинет хирурга. Хирург Ивлев тща-

тельно осмотрел его, и в анкете появилась первая запись: «Годен к летной работе без ограничения». С тем же вышел из кабинета «ухо, горло, нос», от терапевта, от невропатолога. Рентген тоже показал: все в норме. Осталось самое главное: глазной кабинет.

...Высокий крепкий мужчина в белом халате (это был профессор Вишневский, известный окулист) сидел за столом, а сбоку — полковник Сабейников.

— Ну, как у вас дела? — спросил Вишневский.

— У всех врачей побывал — все в норме. Не знаю, что у вас будет.

— Ну-с, давайте посмотрим ваши очи.— Вишневский поднялся из-за стола, подошел к Борису.— Читайте.

Борис прочитал таблицу левым глазом. Зрение — единица. Норма. Правый глаз, естественно,— ноль. Сколько времени профессор осматривал его левый глаз, Борис не мог бы сказать. Долго. Наконец осмотр закончен. Сейчас решится: быть или не быть.

— Да, ведущий глаз у вас — левый,— сказал Вишневский.— И очень хороший. До глубокой старости без очков обойдетесь, если будете его беречь. А результат? Результат объявит вам председатель.— Он кивнул на полковника Сабейникова.— Ступайте и ждите вызова.

Борис вышел из кабинета. В коридоре его обступили летчики, находящиеся в институте на излечении или стационарном обследовании. Они уже прослышали, что медицинскую комиссию проходит их собрат, потерявший глаз во время воздушного тарана.

— Ну как, прошел?

Борис пожал плечами.

— Не знаю. У всех врачей побывал. Теперь что скажет председатель комиссии...

— Что Сабейников скажет, тому можно верить свято,— заметил один из летчиков.— Он, брат, знает, что к чему...

Из кабинета Сабейникова вышла медсестра.

— Кто здесь Ковзан? Товарищ старший лейтенант, пойдите в столовую пообедайте. А то вы здесь с утра и ничего не ели.

— Какая еще столовая! — Борис махнул рукой и медленно пошел по коридору в сторону глазного кабинета. Навстречу Сабейников, халат нараспашку. Взял Бориса под руку:

— Пойдем!

У себя в кабинете Сабейников сел за стол, улыбнулся.

— Ну, старший лейтенант, обсудили ваш вопрос. Долго совещались? Что ж, случай, сами знаете... Словом, учли ваше горячее стремление: в индивидуальном порядке признали вас годным к летной работе без ограничений. Поздравляю.— Сабейников поднялся, крепко пожал Борису руку.— Только летайте с умом, никакого ухарства, никакого ненужного риска. Сами знаете...— повторил он, не договаривая.

По щекам у Бориса текли слезы. Как ни был он уверен, что все обойдется, что он снова сядет за штурвал самолета, все же до последней минуты жила в душе тревога: а вдруг?..

Сабейников опять присел к столу, заполнил медицинскую книжку и какую-то справку и вручил их Борису. Борис готов был расцеловать полковника, но вместо этого дрогнувшим голосом проговорил:

— Благодарю вас и всех врачей, что доверили мне снова летать. Приложу все силы, чтобы оправдать ваше доверие...

Домой он не шел, а летел.

— Ну как? — спросила Надя, хотя по его виду уже все поняла.

— Порядок! Годен летать. Скоро опять в воздух! Знаешь, как будто заново на свет родился.

И тогда, и много лет спустя этот день отмечался у Ковзанов как второй день рождения Бориса.

Он не знал, что испытаниям еще не конец, что снова —

в который раз! — придет ему на помощь счастливый случай.

Все тот же полковник встретил его в отделе кадров вопросом:

— Ну что, на комиссии были?

Борис кивнул.

— Теперь-то, надо полагать, успокоились? А то морочили голову и нам, и врачам...

Не без тайного торжества Борис протянул полковнику бумаги. Тот несколько раз пробежал по ним взглядом, нахмурил лоб, недоуменно повел плечами.

— Да-а, напористый... Ну что ж, это хорошо. Будешь летать на У-2...

— Почему? Там же сказано «без ограничений». И я буду летать на истребителе!

— Приходите завтра...

От приподнятого настроения не осталось и следа. Удрученный, вышел Борис из кабинета, остановился у окна, закурил. «Опять будет, черт очкастый, завтраками кормить. Что это у него, манера такая?»

Он уже собрался уходить, и тут судьба улыбнулась ему — по коридору с папкой в руках шел полковник Простосердов. До ранения Бориса Простосердов был в их дивизии начальником штаба, а недавно его перевели в Москву, в штаб ВВС.

Борис козырнул полковнику, тот остановился, пристально оглядел его, узнавая и не узнавая.

— Ты, Ковзан? А я все думал, где же ты теперь. Слыхал, что выкарабкался, а больше — ничего.— Спохватился: — Да что ж мы стоим в коридоре? Пошли ко мне, там и потолкуем.

Долго рассказывал Борис о своем решении, о мытарствах в отделе кадров, о решении медицинской комиссии. Простосердов слушал, почти не перебивая, наконец сказал:

— Что ж, коль так, надо тебе помочь. Посиди, я сейчас

должен быть у начальства. Думаю, заодно и о тебе решим вопрос.

Он взял папку и вышел. У Бориса снова появилась надежда. «Фронтовой командир в обиду не даст,— думал он.— Эх, скорей бы на самолет, всем бы доказал...»

Простосердов вернулся не скоро, зато с хорошими вестями.

— Извини, задержался,— сказал он.— Но все в порядке. Больше никуда не ходи. Завтра получишь предписание и поедешь в Энск. Будешь отвечать за обучение летчиков технике пилотирования. Ну как, доволен?..

Борис хотел было заикнуться, что охотнее поехал бы в свою часть, но решил не искушать судьбу.

— В Энск? Город знакомый. Спасибо.

Полковник будто прочел его мысли.

— Я понимаю, тебе хочется к своим ребятам. Но и ты должен понимать: после такого ранения... Нужно облетаться, обрести уверенность. Впрочем, и в Энске нелегко будет. Но знаю — не подведешь.

— Все будет в порядке.

— На первых порах, пока не убедятся, что летаешь ты хорошо, возможно и недоверие. Но все зависит от тебя... Желаю успехов!

Через несколько дней, получив назначение, Борис проводил Надю к матери в Елец, а сам отправился в Энск...

И СНОВА ПОБЕДА

Часть, в которую прибыл Ковзан, готовила кадры для фронта. Сюда и направили его на командную должность.

Полковник Простосердов оказался прав: встретили его с недоверием. К работе Борис приступил, но полеты откладывались со дня на день. Это тяготило, больно задевало самолюбие.

— Когда же можно получить вывозную программу? — допытывался Борис у своего командира.

— Честно говоря, начальство наше придерживает,— наконец открыто, по-товарищески признался тот.— Боятся, как бы чего не вышло...

— Эх, перестраховщики! На передний край бы это начальство, да в бой с вражескими истребителями...

Так прошел месяц. Борису не дали совершить ни одного полета. Он возмущался. Что ж это, в самом деле, получается: медицинская комиссия разрешила, а тут ни в какую. Что у них, излишек летчиков с таким, как у него, Бориса, летным и боевым стажем? Берегут? Или просто для формы признали годным, чтобы отделаться? Выходит, опять он отсиживается, прячется за спины товарищей...

Ясным февральским днем Борис брел по городу. Под ногами поскрипывал снег, а казалось, это на душе кошки скребут. И в голове все та же неотвязная мысль: «Скорей бы полеты! Сразу бы доказал, что летчик остается летчиком, даже если он был тяжело ранен...»

Дошел до парка Липки, остановился в раздумье. И вдруг — знакомый голос:

— Борис! Ковзан!

Борис обернулся и просиял от радости: перед ним стоял Федор Федорович Маркин, комиссар полка, в котором служил Ковзан в Ельце, а затем на Северо-Западном фронте. В июне 42-го Федора Федоровича отозвали в Москву, и с тех пор Борис ничего не слышал о нем.

— Как ты здесь очутился, Борис?

— А где вы сейчас, Федор Федорович? — вопросом на вопрос ответил Борис, уже связывая с этим человеком свою дальнейшую судьбу.

— Пойдем к нам в штаб, все расскажу.— Маркин взял Бориса под руку.— Работаю комиссаром дивизии у подполковника Ноги. Слыхал о таком? Ну да, еще на Халхин-Голе громил самураев...

Пришли в штаб. Все летчики и штабисты подтянутые,

с веселыми энергичными лицами. Борис сразу окунулся в другую атмосферу, которая не шла ни в какое сравнение с той, что была в учебно-тренировочном полку.

Сидя в кабинете Маркина, вспоминали минувшие дни, общих боевых друзей. Борис удивился: Федор Федорович, оказывается, знал и помнил, считай, всех летчиков полка. Посуровел, когда Борис рассказывал о гибели Николая Полякова. О себе сказал коротко: после курсов по усовершенствованию ему предложили перейти в истребительную авиацию... И вот он здесь, комиссаром дивизии.

Бориса выслушал с большим вниманием: он, комиссар, всегда умел слушать, может, поэтому и открывали перед ним душу...

— Ну, что не допускают к полетам, это, пожалуй, понятно: они ведь не знают тебя. А я знаю, и поэтому что-нибудь придумаем... Женился, говоришь? Поздравляю! Где жена?

— У матери в Ельце. Жду наследника.

— Еще раз молодец.— И уже на прощание:— Заходи к нам. Командир сейчас на аэродроме. Как приедет, потолкуем о тебе. А вечером заглядывай. Ваши же хлопцы только днем работают, боевого дежурства не несут. А мы и днем и ночью сидим в самолетах: долетают ведь, сволочи, и сюда...

— Вот это по мне! — вырвалось у Бориса.— Федор Федорович, на любую работу, только бы летать!

— Понимаю тебя, Борис, понимаю.

В части Борису передали письмо от жены. Прочитал — и радость сразу поугасла. Нет, у них в Ельце все было хорошо. Но что написать Наде? Рассказать все как есть? Но стоит ли огорчать? К тому же пока ничего не известно. Вот сегодня вечером все решится. Тогда...

Он сел за стол и принялся за работу. Канцелярщина, да что поделаешь: служба есть служба.

Часа через два позвонили из дивизии, просили зайти к комиссару Маркину. Борис спрятал бумаги в стол

и поспешил в дивизию. Шел и думал: «Как же так быстро? Федор Федорович говорил: вечером. А сейчас всего четыре...»

Маркин встретил его словами:

— У нас есть вакантная должность инспектора. Что ты на это скажешь?

— Это хорошо,— улыбнулся Борис.— А летать придется?

— А как же! Пошли!

Маркин представил Ковзана командиру дивизии. Из-за стола встал высокий подполковник со звездочкой Героя на груди, поздоровался с Борисом за руку, пригласил сесть.

— Федор Федорович уже рассказывал о тебе, старший лейтенант. Я согласен взять тебя инспектором. Сейчас заказал по телефону разговор с Москвой. Переговорю с командующим истребительной авиацией ПВО, и, думаю, будет порядок.

Только тут Борис на какое-то мгновение вдруг заколебался: сумеет ли он сразу после большого перерыва и с такой потерей зрения взяться за штурвал истребителя? Не слишком ли велик риск?

— Товарищ подполковник,— обратился он к командиру,— а как будет насчет полетов? Перерыв у меня большой... Надо вывозную получить...

— Все будет,— сказал Нога.— И вывозную, и тренировку получишь. И летай себе на здоровье. Сам понимаешь, инспектору никто в дивизии особых ограничений ставить не будет. Надеемся на тебя и верим...

Раздался телефонный звонок. Подполковник взял трубку — на проводе была Москва. После короткого разговора с командующим истребительной авиацией ПВО генерал-лейтенантом Александром Степановичем Осипенко он объявил Борису:

— Завтра будет приказ о твоем переводе. Давай рассчитывайся в части — и сюда. А теперь — ужинать...

Дело закрутилось. Назавтра приказ был получен. Бо-

рис сдал дела и без сожаления ушел из части. В тот же день он был зачислен на командную должность в авиационную дивизию. А вскоре из Ельца приехала Надя и стала работать военным фельдшером.

Виделись они с Надей не часто: почти все время Борис проводил на аэродроме. Познакомился с летчиками, составил план личных тренировок. Возвращение к любимому делу словно влило в него новые силы.

В первый раз его вывез на УТ-2 сам командир дивизии. Остался доволен и сразу же разрешил самостоятельные полеты-тренировки. С тех пор Борис каждый день вылетал на УТ-2, уходил далеко от аэродрома и в степи тренировался на бреющих полетах. Летал много, в самых трудных условиях проверял свою готовность пересесть на истребитель.

Настал день, когда ему было разрешено летать на ЯК-1,— Борис снова вступил в боевой строй летчиков-истребителей. Он уже не только передавал молодежи свой опыт, не только контролировал технику пилотирования, но и сам выполнял боевые задания по защите города от нападений с воздуха.

В июле 1943 года Борису Ковзану предоставили короткий отпуск. Но обстановка была такова, что он не мог усидеть в четырех стенах. Отправив жену в родильный дом, Борис прежде времени прибыл в штаб дивизии.

Каждую ночь в июльском небе полыхало зарево пожаров. По крутым энским улицам ветер гнал облака ядовитого дыма, черные хлопья сажи. Снова горел подожженный вражескими бомбами завод. И каждую ночь прилетал на свет гигантского пожара косяк «юнкерсов»: фашисты прекрасно понимали значение завода и, не считаясь ни с какими жертвами и потерями, пытались его уничтожить.

Рвались бомбы и на территории других важных военных объектов. Как ни старались войска противовоздушной обороны преградить путь фашистским разбойникам, успех

был лишь частичным. Иногда вражеские бомбы ложились прямо в цель, будто противнику было точно известно расположение каждого объекта.

Да так оно и было: изо дня в день над городом на большой высоте кружил фашистский разведчик, недосягаемый для зениток.

Из Москвы в Энск прилетел Александр Степанович Осипенко. Он вызвал к себе Бориса Ковзана. Тот, кто видел Бориса в первые месяцы после ранения и даже совсем недавно, когда он маялся от безделья в учебной части, не узнал бы его теперь — бодрый, подтянутый, энергичный. Казалось, он даже ростом стал выше.

— Товарищ старший лейтенант,— начал Осипенко.— Как вы, известный мастер таранных ударов, ас, можно сказать, терпите, что немецкий разведчик спокойно летает над городом? Можно подумать, что тут нет ни одного настоящего летчика-истребителя. Я полагаю, вы сможете сбить разведчика.

— Есть сбить фашистского разведчика, товарищ генерал-лейтенант,— взял под козырек Борис.

Вылетел на аэродром и сразу же заступил на дежурство. Четыре дня и четыре ночи парился в кабине ЯКа. Но разведчик, как бы испытывая его терпение, не появлялся. Лишь на пятые сутки, 16 июля в 10 часов 30 минут, раздался сигнал боевой тревоги, и Борис вылетел на перехват.

Быстро набрал высоту. Разведчика нигде не видно. Начал поиски. Мелькнула мысль: а если пойти туда, где фашист делает разворот на обратный курс? Это где-то в районе Вольска. Тем самым район поиска сузится.

Поднялся на пять тысяч пятьсот метров. Надел кислородную маску. На горизонте показался Вольск, и в тот же момент впереди и выше себя Борис заметил отблеск солнца на плоскости самолета. Расчет оправдался: фашистский разведчик на высоте около шести с половиной тысяч метров делал разворот.

— Так вот где ты прячешься!

Борис набрал высоту, начал подкрадываться к самолету противника. Это, как он определил, был облегченный «Юнкерс-88». Поравнялись где-то на шести тысячах метров.

Подойдя ближе, Борис заметил, что вокруг фашистского самолета стали появляться вспышки: летчик выбросил маленькие бомбы на парашютах. Борис слыхал об этой немецкой хитрости: парашютики как бы подвешивают бомбы на определенной высоте и они, взрываясь, поражают цели в радиусе до двухсот метров. Теперь снизу и сбоку атаковать противника опасно, тем более на близкой дистанции. Значит, надо преследовать его на расстоянии пулеметного огня и при первой возможности атаковать сверху.

«Юнкерс» пошел к Энску, ЯК — за ним. Выждав момент, Борис открыл огонь. Противник сделал переворот и, пикируя, нырнул в облака. Что это — маневр? Не прекращая огня, Борис бросил машину вслед за ним. Пробив облачность и выйдя из пикирования, он увидел два спускающихся парашюта. Подробности узнал уже на земле. Оказывается, его снаряд пробил плоскость «юнкерса» и мощный поток воздуха, устремившись в пробоину, разорвал самолет на части. Двое летчиков погибли, а те, что выбросились с парашютами, были взяты в плен.

Ковзан прилетел в Энск и, не скрывая радостного волнения, доложил генерал-лейтенанту Осипенко, что задание выполнено. Первая победа после возвращения в строй! Генерал-лейтенант поздравил его с присвоением звания капитана, а товарищи в штабе — с рождением сына.

Этим не кончилась счастливая для Бориса полоса. Однажды в августе, поздно ночью, его разбудил громкий стук в дверь. Вскочил, словно по тревоге, отворил. Посыльный передал просьбу командира дивизии немедленно прибыть в штаб. Просьбу, а не приказ. Что бы это значило?

В штабе, несмотря на поздний час, было многолюдно.

Командир дивизии поднялся из-за стола, вышел навстречу Борису, пожал ему руку и, подражая диктору Левитану, торжественно произнес:

— Указом Президиума Верховного Совета СССР летчику-истребителю капитану Ковзану Борису Ивановичу за героизм и мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками присвоено звание Героя Советского Союза.

К НЕБУ ПРИПИСАН НАВСЕГДА

Советские войска неудержимо продвигались на запад. Бои развернулись в Белоруссии. Борис Ковзан сердцем рвался туда, где прошли его детство и юность, где жили отец, мать, брат. Жили... А живы ли теперь? Фашисты не щадили мирное население, а в партизанской Белоруссии и подавно. Вспоминались рассказы о зверствах гитлеровцев в оккупированном Бобруйске, о жутком лагере военнопленных в Березинском форштадте. Словом, вскоре Борису предстояло лицом к лицу встретиться с суровой правдой.

Он не смог сразу поехать в освобожденный Бобруйск: служба есть служба. Написал родным и с тревогой ждал ответа. А когда дождался, с радостью увидел: адрес на конверте написан отцовским почерком. Распечатал письмо, прочел — и вовсе отлегло от сердца: все живы-здоровы.

В конце сентября 1944 года дивизию ПВО, в которой служил Борис, расформировали, полки передали другим соединениям, ближе к фронту. Теперь можно было подать рапорт об отпуске...

И вот они с женой и сыном, тоже Борисом, едут в Бобруйск. Дорога утомительная, бесчисленные пересадки, но впереди радость долгожданной встречи. Поезд идет по знакомым местам, прорывается сквозь лесные массивы, перемахивает через реки и речушки, мчится по привольным, в золотистом уборе лугам и полям.

Гомель... На месте красивых, утопающих в зелени до-

мов — заросшие травой груды развалин. Борис, не отрываясь, смотрит в окно: боевое крещение он принял здесь, при защите этого города, и первый сбитый им фашистский самолет догорал на этой земле.

У военного коменданта узнали, что пассажирский поезд на Бобруйск будет только через сутки. Решили ехать на товарняке.

Сели в первый же эшелон, отправлявшийся на Бобруйск. И вот наконец станция Березина. Борис выпрыгнул из теплушки, взял на руки сына, помог сойти жене. Солдаты подали вещи. Уверенные, что их никто не будет встречать (пассажирский придет в Бобруйск только через сутки!), двинулись по перрону. Но кто это бежит им навстречу? Отец?! Он!.. Оказывается, с того дня, как пришла телеграмма: «Выезжаем...», он почти неотлучно дежурил на вокзале, встречал и провожал поезда — и пассажирские, и товарные.

Поехали домой. Вокруг знакомая картина: груды щебня, развалины, землянки... А как же их дом? Борис глазам своим не поверил, когда увидел чудом уцелевший домик на углу Социалистической. Знал из писем отца, что цел дом, что миновали его пожары и бомбы, а тут — не поверил.

Навстречу выбежала радостная, запыхавшаяся мать. Светлые слезы, объятия...

О многом было переговорено в тот вечер.

Иван Григорьевич рассказывал сыну, как в 41-м всей семьей вместе с другими жителями Бобруйска они уходили в лес, как их перехватили фашисты и заставили вернуться в город...

— Тетку твою,— говорил Иван Григорьевич,— за связь с партизанами сожгли в ее собственном доме. Не одну — всех вместе... Эта дивчина из Паричей жива, видел как-то. А отца ее расстреляли. Анатолий, как только Бобруйск освободили, ушел в армию. Тяжело ранен, лежит в Свердловске в госпитале. Вот собираюсь поехать к нему...

Короткий отпуск подходил к концу. И вот настал день, когда Борис распрощался со своими и выехал к месту службы. Дивизию ПВО к тому времени расформировали, и Ковзан попал на курсы командиров полков в Пензе. По окончании курсов его направили в распоряжение штаба 21-й воздушной армии. Пока не было вакантной должности, он получил назначение заместителем командира в полк, стоящий в городе Галац.

Штаб дивизии находился в Одессе, где Борис Ковзан оканчивал когда-то (казалось, так давно!) летное училище. С этим же прекрасным приморским городом будет связана и его послевоенная служба, до конца 1949 года. А сейчас надо было отправляться в полк. Выехал на штабном «виллисе». С обеих сторон тянулись виноградники и кукурузные поля. Миновали Кишинев, Бендеры, и вот уже государственная граница. Дальше — Румыния. На границе — таможенный досмотр, совсем как в мирное время.

Город Галац стоит на горе, с которой улицы сбегают к пойме Дуная. Аэродром — на окраине города. Добротные казармы для летного состава, ангар, хорошо оборудованные самолетные стоянки...

Но война не окончена, она только отодвинулась на запад, и фашисты нет-нет да и пытаются прорваться к нефтяному центру Румынии Плоешти и главному порту черноморского побережья Констанце. Поэтому летчики несут круглосуточное боевое дежурство. И заместитель командира полка тоже то и дело поднимается в небо...

На этом можно бы и закончить повесть о летчике-истребителе Борисе Ковзане, добавив только, что он совершил за годы войны 360 боевых вылетов, участвовал в 127 воздушных боях, уничтожил 28 самолетов противника, 4 из которых — таранными ударами... Но хочется еще рассказать о нем — о человеке, навсегда приписанном к небу.

В конце 1949 года Ковзана из Одессы, где он продолжал службу, вызвали в Москву, в отдел кадров. Встретив-

ший его генерал Простосердов (да-да, тот самый Простосердов!) сказал:

— Воевал ты, Борис Иванович, геройски, долг свой фашистам выплатил сполна. Но я же тебя знаю: с небом не расстанешься. Поэтому надо учиться. Как ты насчет академии?

— Куда мне в академию, товарищ генерал,— с сожалением ответил Борис.— Не примут. У меня же всего восемь классов.

— А летное училище — это не в зачет? А четыре тарана — это не экзамен?

— Не знаю... Ведь все же перезабыл...

— Пойдешь на подготовительный курс. Правда, сейчас декабрь на исходе, а занятия начались с сентября... Да ничего, догонишь...

Было трудно, особенно с иностранным языком. Взял упорством. И с 1 сентября 1950 года Бориса Ковзана зачислили слушателем основного факультета Краснознаменной Военно-Воздушной Академии.

Два года спустя, после окончания теоретического курса, ко всем экзаменам и зачетам, что сдавали слушатели, добавился еще один — медицинская комиссия. Проходили комиссию перед полетами все, но положение Бориса осложнялось тем, что тут ему не могли помочь никакое упорство, никакое усердие.

Снова Центральный научно-исследовательский госпиталь в Сокольниках. Здоровье пока не подводит, зрение не ухудшилось — полеты на ЯК-1 разрешены.

Еще через год — стажировка в строевых частях с освоением реактивного истребителя. Одно дело летать на поршневых машинах, другое — на реактивных. Что-то скажет комиссия? Комиссия признала: «...годен к летной работе без ограничений с переосвидетельствованием в ЦНИАГ через 6—8 месяцев».

Правда, одно ограничение было: запрещались ночные полеты. Но Бориса это вполне устраивало: в то время всем

слушателям разрешалось летать только днем.

На стажировку Ковзана направили в должности заместителя командира дивизии. В части встретили хорошо.

— За месяц ознакомитесь с должностью,— сказал командир,— а потом постараемся выпустить вас на новой машине.

Теоретически реактивный истребитель тогдашнего поколения Борис знал хорошо — устройство, все характеристики, особенности пилотирования. Над этим основательно поработали в академии. Теперь же он часами просиживал в самолете, «держал его в руках», расспрашивал летчиков-реактивщиков о различных деталях, наблюдал за стартами. Наконец, после серии полетов на ЯК-7, настал долгожданный день вывозной программы на реактивном УТИ МиГ-15.

Борис сел в переднюю кабину, в заднюю — опытный летчик-реактивщик инспектор майор Павлов. Так, запустить двигатель, вырулить на старт, набрать скорость. Машина стремительно бежит строго по прямой и так же стремительно отрывается от земли.

Скорость молниеносно нарастает: 400... 500... 600 километров в час. Тело невидимой силой вжимается в спинку сидения. Полет по кругу. В кабине хороший обзор. Гул остается позади — до слуха доносится только шипение...

В первый день — пять полетов по кругу, на следующий — еще три. Все благополучно. И вот оно:

— Ну, теперь передохнем и — в самостоятельный полет! — говорит инспектор.

Все как в прошлый раз: запуск двигателя, рулежка... С той разницей, что за спиной никого нет. Руководитель полета дает разрешение на взлет. Борис увеличивает обороты, и машина устойчиво начинает разбег, чтобы через несколько секунд стрелой врезаться в небо...

Последний учебный год в академии близился к концу. К марту была закончена дипломная работа, сданы зачеты. Остались госэкзамены и защита диплома. Из управления

кадров приезжали офицеры, беседовали со слушателями — решался вопрос о местах их дальнейшей службы. Ковзану предложили должность в военно-учебном заведении. Он подумал и... отказался: не хотелось возиться с бумагами. Пошел на прием к командующему истребительной авиацией ПВО дважды Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Савицкому.

— Хочу летать!

— Ладно, проходи медицинскую комиссию. Признают годным к летной работе — поедешь в боевую часть заместителем командира соединения. А на худой конец — начальником службы. Не тужи, без работы не останешься...

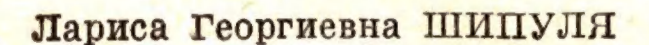
Настоящие летчики, летчики по призванию, понимают друг друга без лишних слов.

Пройдя комиссию, Борис Ковзан успешно сдал государственные экзамены и защитил диплом. Вскоре после этого он выехал в часть, чтобы еще много лет служить в военной авиации.

Давно отгремела война. Но по-прежнему каждое свое выступление перед молодежью Борис Ковзан заканчивает здравицей за мирное, безоблачное небо над всей нашей страной. Слова эти произносят часто, они уже немного стерлись, потускнели. Однако в устах человека, посвятившего защите этого неба ни много ни мало — всю жизнь, они обретают весомый, первородный смысл.

Сыновья Бориса Ивановича — Борис и Евгений — тоже окончили летное училище, так что семья Ковзанов поистине крылатая. Борис теперь командир подразделения в Рязанском аэропорту, летает на Урал, в Херсон и Харьков, в Казахстан. Евгений Ковзан облюбовал Якутию, породнился с этим суровым краем. Сыновья летают в мирном небе, но и им может понадобиться та наука, основы которой закладывал в годы войны их отец.

СОДЕРЖАНИЕ

Лариса Георгиевна ШИПУЛЯ

Четыре тарана в небе

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор Р. Ф. Кузнецова. Обложка художника В. М. Боровко. Художественный редактор Я. П. Зельская. Технический редактор В. А. Коледа. Корректор Г. Д. Зинченко.

ИБ № 1

Сдано в набор 05.11.81. Подписано в печать 17.03.82. АТ 07538. Формат $70 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,6+0,35 вкл. Усл. кр.-отт. 6,13. Уч.-изд. л. 6,10. Тираж 90 000 экз. Зак. 2126. Цена 20 к.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минское производственное полиграфическое объединение им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

20 к.

МИНСК «ЮНАЦТВА» 1982